

Сергей Темняткин

Я по́кóну кацкого!

Этнографические заметки

Книжка 2

Этнографический музей кацкарей
Марыново
2020 год

УДК 39
ББК 63,5

Т32

ISBN 978-5-9527-0413-8

Текст, подбор иллюстраций: С.Н. Темняткин.

Дизайн обложки, оригинал-макет, компьютерная вёрстка: Е.М. Медведева

Т32 Темняткин, С.Н. Я покóну кацкого. Книжка 2 (Текст) / С.Н. Темняткин : этнографические заметки. - 2020. -144 с.

Чёрно-белые снимки из собрания Этнографического музея кацкарей.

Цветные снимки, если их авторство не указано в пояснениях
к ним, С.Н. Темняткина.

Книга издана в авторской редакции.

Книга продолжает серию этнографических заметок о кацкарях – жителях бассейна реки Кадки, протекающей на западе Ярославской области. Её главная тема – деревенское детство..

УДК 39
ББК 63.5
ISBN 978-5-9527-0413-8

© С.Н. Темняткин, 2020

© Этнографический музей кацкарей, 2020

*Галине Львовне Дайн,
Человеку и Учёному с большой буквы,
посвящается.*

Как ни жаль, но «нельзя объять необъятное»: в книжку вошёл далеко не весь накопленный материал. Собирался он целый год при помощи подписчиков сообщества «Кацкая летопись» в социальной группе «ВКонтакте» (https://vk.com/katskari_kl). Неделя за неделей по средам в Интернете выкладывались очерки под рубрикой «Этнографические заметки», а земляки-кацкари читали, исправляли, дополняли – их комментарии в конце этой книжки.

А потом было лето, и работа Ярославской областной общественной организации краеведов «Кацкий стан» над проектом «Кацкарь натоился!» («Кацкарь родился!»): дети деревни Мартынова приходили в Этнографический музей кацкарей, чтобы разучить старинные кацкие игры. Большое спасибо сотрудникам музея Ольге Алексеевне Перовой, Николаю Викторовичу Румянцеву, Ольге Николаевне Темняткиной и Наталье Витальевне Шалаевой, благодаря которым теоретический материал обернулся практикой.

Всё это время шли консультации с Галиной Львовной Дайн – учёным, которая всю свою жизнь посвятила изучению детства и которая кацкарей знает не понаслышке: осенью 1994 года она была в Кацком стане с этнографической экспедицией.

Наконец, спасибо департаменту культуры Ярославской области, давшему проекту «Кацкарь натоился!» («Кацкарь родился!») зелёный свет: эта книжка увидела мир благодаря грантовой поддержке. Да, в неё вошёл не весь собранный материал, но и мы не последний день живём. Бог даст – будут новые книжки!

С ува́гою, Сергей Темняткин.

У кого из кацкарок было больше всего детей? У Степаниды Григорьевны Кочневой из деревни Мартынова – она рожала 17 раз! Остановимся на судьбе этой удивительной женщины поподробнее.

Родилась Степанида около 1833 года в деревне Исакове у тамошнего крестьянина Григория Яковлева – точной даты её рождения, к сожалению, выяснить не удалось. Двадцати лет от роду, а именно 25 января 1854 года, она вышла замуж за мартыновского парня Ефима Викторовича Кочнева. В двадцать три года родила первенца, в сорок восемь – последыша, а в целом рождение её детей распределилось так: 1856 год – Василий, 1857-й – Ксения, 1858-й – Иаков, 1861-й – Акилина, 1863-й – Георгий, 1864-й – Сергей, 1867-й – близнецы Борис и Глеб, 1869-й – Михаил, 1871-й – Анна, 1873-й – близнецы Ефим и Ефим, 1874-й год – Анна, 1876-й – Василий, 1877-й – Гликерия, 1879-й – Иоанн и 1881-й – Никифор.

Девятеро её детей (Георгий, Борис, обе Анны и оба Ефима, младший Василий, Гликерия и Иоанн) умерли во младенчестве и, стало быть, восьмеро (Василий старший, Ксения, Иаков, Акилина, Сергей, Глеб, Михаил и Никифор) вошли во взрослую жизнь. Как видно, выживали в основном старшие по годам рождения дети.

Умерла Степанида Григорьевна 11 февраля 1905 года 70-ти лет «от старости» и похоронена на Юрьевском кладбище.

...Быть может, кто-то из кацкарок рожал и больше, но чтоб о них узнать, необходимо просмотреть метрические книги по всем кацким деревням. Мартынову повезло: фронтальным просмотром мартыновских метрик XVIII-XX веков в своё время занялась сотрудница Этнографического музея кацкарей Анастасия Николаевна Бутусова. На это у неё ушло четыре года, зато какие интересные факты обнаружались...

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1909 г.

№ по порядку	Дата рождения		Имя крестное	Имя родителей	Земли, им. отчество и фамилия родителей, и место происхождения.
	года	числа			
19	1	5	Иван	Иванов	Богдан с Марьиной женой Иванъ Павловичъ Володаровъ и жак. жена его Наталья Владимировна; оба православные. Свидетели: Павел Андреев Сурожинский, Потаповъ Николай Михайловичъ Володаровъ.
6	7	8	Александр	Александров	Богдан с Марьиной женой Александръ Павловичъ Карповичъ и жак. жена его Анна Владимировна; оба православные. Свидетели: Павел Андреев Сурожинский, Потаповъ Николай Михайловичъ Володаровъ.
10	10	10	Иван	Иванов	Семён с Марьиной женой Иванъ Павловичъ Володаровъ и жак. жена его Анна Владимировна; оба православные. Свидетели: Павел Андреев Сурожинский, Потаповъ Николай Михайловичъ Володаровъ.
15	15	15	Александр	Александров	Богдан с Марьиной женой Александръ Павловичъ Карповичъ и жак. жена его Анна Владимировна; оба православные. Свидетели: Павел Андреев Сурожинский, Потаповъ Николай Михайловичъ Володаровъ.
16	17	21	Матрёна	Матрёнина	Василий с Марьиной женой Иванъ Павловичъ Володаровъ и жак. жена его Анна Владимировна; оба православные. Свидетели: Павел Андреев Сурожинский, Потаповъ Николай Михайловичъ Володаровъ.

Метрическая книга церкви села Юрьевского на 1909 год. Обратите внимание: третья колонка – дата рождения, четвёртая – дата крещения. Как видно, окрестить новорождённого старались вопреки распространённому сейчас заблуждению не на сороковой день, а максимум в три-четыре дня после его рождения. Документ из собрания филиала Государственного архива Ярославской области в городе Угличе.

СЕМЬИ БОЛЬШИЕ, СЕМЬИ МАЛЕНЬКИЕ

Принято считать, что семьи в старину были большие. Но правильнее сказать, что семьи в старину были разные, в том числе и вовсе бездетные: то ли по бесплодию, то ли по какой другой причине. Анализ метрических книг XIX-го века по деревне Мартынову показал, что число женщин, у которых были всего одни роды, практические такое же, как и женщин, рожавших двенадцать раз – то есть наряду с многодетными семьями было много и малодетных. В среднем же у мартыновской женщины в том столетии рождалось семеро детей, половина из которых умирала во младенчестве. Так что супружеских пар, растящих шестерых-семерых, а тем более восьмерых детей, и в то время было немного.

И всё-таки семьи выглядели большими. Это потому что под одной крышей часто уживалось несколько поколений: старики-родители, их женатые сыновья и внуки, конечно же – куда же без них, если сыновья женаты?

Супруги Муравьёвы с детьми и свояченицей. Четыре ребёнка – среднестатистическое количество выживших детей на такую семью в XIX-м – первой половине XX-го века. Снимок начала XX-го века, д. Готово.

«БРЮХО КОЧЕЧКЕЙ – БЫТЬ ПАРНИШЕЧКЮ!»

Афишировать свою беременность у кацкарок до сих пор как-то не принято. Об этом факте сообщается только мужу и, может быть, другим самым близким родственникам, но и они на первых порах предпочитают помалкивать. Деревня же остаётся в неведении, пока какая-нибудь догадливая баба да не приметит:

– Чёго-то выходка (то есть походка) у ней тяжолая, уж не брюхатая ли?

Ну а когда, как говорится, «брюхо на лоб полёзёт», тут уж от разговоров не убежишь! Всем в первую очередь интересно, кто родится: мальчик или девочка. Вот и начинаются споры:

– Погляди-тко, живот кочечкёй – быть парнишечкю!

– Да какоё «кочечкёй»? Вишь, лицо портится – девка натоится (родится)!

Да-а, беременность – пора непростая. О кацких приметах, связанных с ней, в своё время подробно рассказала сотрудница Этнографического музея кацкарей Анастасия Владимировна Румянцева в очерке, который так и назвала: «Брюхо кочечкёй – быть парнишечкю!».

Вот и разбери этих кацкарей: «кóчечкёй» брюхо или не «кóчечкёй»?
Снимок 15.07.2014 года, Этнографический музей кацкарей.

НА ПОЖАР НЕ СМОТРИ! ПОКОЙНИКА НЕ ПРОВОЖАЙ!

Да-да, на пожар беременные кацкарки не смотрят. Нельзя, а то родится ребёнок с красным пятном на лице.

И не подстригаются во время беременности. Тоже нельзя, иначе у ребёнка «ум подстрижёшь».

А ещё беременным кацкаркам нельзя ничего делать, подымая руки вверх – вдруг ребёнок опутается пуповиной!? Даже бельё на верёвку, если она висит высоко, не следует вешать!

Но самое главное – нельзя смотреть на покойника, даже если приходится провожать в мир иной ближайшего родственника – например, родного отца. И если вдруг какая из молодых женщин начнёт сомневаться, стоит ли выполнять этот старинный запрет, старшие её поправят:

– Нельзя глядеть! А то, не дай Бог, выкидыш б'удёт!

– Не гляди! А то робёнку б'удёт лядёт (то есть болеть)!

– Иначе на животе робёнка выпечатаётся могильн'ей крест!

(То есть он может умереть во чреве).

...Беременность – пора ответственная. Неудивительно, что даже самые стойкие к суевериям начинают соблюдать всевозможные запреты. Даже в наши дни и даже молодые женщины! Так, на всякий случай – не вышло бы чего...

Пожары в старой деревне случались часто, но вот смотреть на них беременным женщинам никак нельзя. Н.Д. Дмитриев-Оренбургский «Пожар в деревне», 1885 год. Из собрания Государственного Русского музея, г. Санкт-Петербург.

Юрий Михайлович Богданов из деревни Муханова, помнится, вспоминал: «Мать моя родила меня на русской печке. Дом наш находился в метрах двухстах от реки Кадки, и свою первую ванну принял я в её водах».

Анна Автономовна, его мать, была «повивухой» и, что делала, знала: у кацкарей считалось, что ребёнок, рождённый на печке и умытый водою с Кадки, будет расти здоровым. Ну а саму «родуху» для здоровья полагалось парить веником в печке «семь дён» подряд...

Первая профессиональная акушерка в Кадке появилась в 1877 году – в ту пору ежегодно рождалось примерно около семисот кацкарят. С 1920-х годов акушеров в Кацком стане стало две: при Рождественской сельской больнице и при Нефедьевском фельдшерско-акушерском пункте. Но на территорию размером с государство Андорра и населением около двадцати трёх тысяч человек их всё равно не хватало. Неудивительно, что и в середине XX-го века иным женщинам приходилось рожать без какого-либо медицинского сопровождения.

– Я всех чётверых дома родила! Первую-то рожала, приходила окушёрка – из-за Кадки, с Мифёдьева. Второго рожала в водополь – сама, на постели. Мать ножницы подала; я панúk (пупок) отрезала, завязала и передала робёнка матери. И третью рожала оккурáт в водопóлицу! Панúk обстригну́ла, завязала, да чёго-то не так. Пошла к окушёрке: «Дорогая моя Маруся, побывай, погляди, чёго робёнку маётся!» Окушёрка поглядела: «А вы к панúку-то чёго-небúдь привяжítё!» Был у нас пятак старúнной, ёго и привязали. А остáтнёго я плясала-плясала, да и выплясала: вёчёр спать лёгlá, а с бёлá и вытоила. И все здоровые выросли!

К.В. Лемох «Новое знакомство», 1885 год. Из собрания Государственного Русского музея, г. Санкт-Петербург.

ЧТО ЗНАЧИТ «ОММЫТЬ КОПЫТА»?

«За ребёнка выпить – дело святое!» Мужики-кацкари с этой фразой из кинофильма «Москва слезам не верит», безусловно, согласны и отцовство своё начинают праздновать сразу по получении известия о рождении ребёнка. В народе это называется «обмыть копыта» и происходит по-разному. Чаще в неформальной обстановке – например, в гараже. Выпивка и закуска, конечно, самые незамысловатые, речи не произносятся и подарки не дарятся – зато зайти к счастливицу и разделить с ним великую радость может любой из земляков.

Кому позволяют обстоятельства, «копыта обмывают» с коллегами на работе. В таком случае всё происходит торжественнее: и стол, и поздравления, и подарки. В последнее время, когда выросшие дети всё чаще остаются жить в городе, а прибавлению в их семьях деревенским порадоваться хочется, за рождение внуков «проставляются» бабушки. Но называют это по-прежнему – «обмыть копыта».

А где же всё это время роженица с ребёнком, спросите вы. А роженица с ребёнком в роддоме!

Таков вот обычай, почему-то совершенно не заинтересовавший профессиональных этнографов. Поэтому не у кого почитать: старый ли он, широко ли распространён и почему, в конце концов, носит такое странное название? В городах, во всяком случае соседних, новоиспечённые папаши выпивку по поводу своего отцовства тоже организуют, но называют её чуть мягче, «поделикатнее» что ли: «обмыть пяточки» или «обмыть ножки». А тут «копыта» – они-то причём?

Разгадка, кажется, в книге Морица Ильича Михельсона «Ходячие и меткие слова», вышедшей в Санкт-Петербурге ещё до революции – в 1896 году. В ней среди прочих устойчивых фраз есть и такая: «Обмыть копыта (иносказательно) – выпить литки, могарычи по случаю покупки (коня)».

А ты, папа, обмывал наши копыта? Снимок из семейного альбома
Шерстнёвых, 2018 год, д. Мартыново – п. Мерга.

Вот, мы всё «многодетная мать» да «мать-героиня», а что же отцы!?! Неужели они не заслуживают почестей или хотя бы доброго слова?

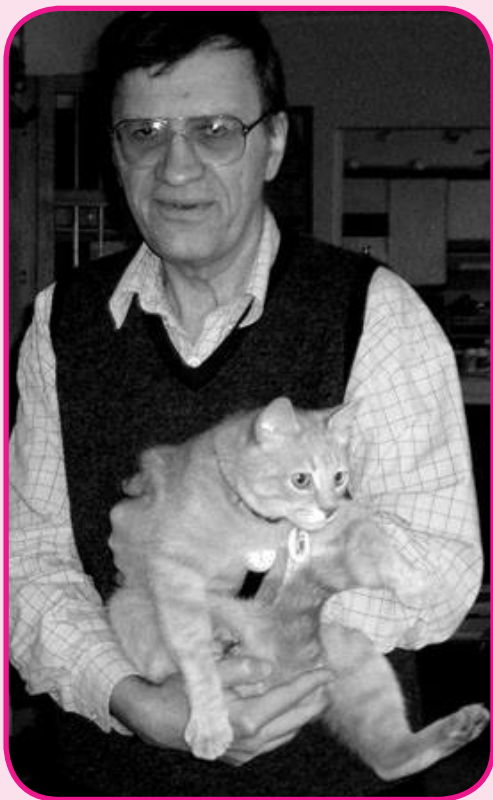
Самым «зоботным» отцом-кацкарём был, пожалуй, Иван Семёнович Страхов из деревни Платунова. Предания разнятся, скольких же своих сыновей и дочерей он сумел «вывести в люди»: то ли 17, то ли 18. По метрическим книгам удалось узнать о 15-ти (от двух жён, первая умерла десятиными родами), но это тоже очень и очень много!

Что значит «вывести в люди»? Сам-то он по большей части жил в Москве, где служил приказчиком в мелочной лавке. Жена с детьми хозяйствовали на земле в деревне, но чтобы им было полегче, Иван Семёнович всегда нанимал работников. После того, как очередной ребёнок заканчивал в Платунове начальную школу, он забирал его в Москву, где старался не просто пристроить, но и дать образование. Так в конце концов все пятнадцать детей в столице и оказались: Николай, Василий, Анна, Алексей, Александра, Марья, Александр, Ольга, Антонина, Сергей, Павел, Михаил, Константин, Семён, Владимир. «Было очень забавно смотреть, как братья Страховы, заложив руки за спину, шагали по Тверскому бульвару в ряд, плечо к плечу, заполняя его весь в ширину», – писал в «Кацкую летопись» Александр Борисович Страхов.

Александр Борисович – внук Василия. Ивану Семёновичу, стало быть, правнук. Человек, имеющий международное признание: филолог и этнограф, издатель научного журнала «Palaeoslavica» (Палеославика), автор нескольких книжек стихов; с 1989 года он живёт в США, в городе Бостоне. Но в России гораздо известней его сын – актёр Даниил Страхов, звезда сериалов и фильмов «Исаев», «Бедная Настя», «Дети Арбата», «Грозные ворота», «Мы из будущего», «Перегон» и других...

Кто-то из Страховых. Предположительно, Иван Семёнович с матерью Марьей Павловной, второй женой Анной Михайловной, сыном Алексеем и дочерью Анной. Снимок рубежа XIX-XX веков, д. Платуново.

Александр Борисович Страхов о своих кацких корнях помнит и даже писал в «Кацкую летопись». Снимок с сайта «Как просто!» (<https://www.kakprosto.ru/>).

Актёр Даниил Страхов покóну кацкого! Снимок с сайта «Артбюро» (<http://www.artburo.info/strahov-daniil-3/>).

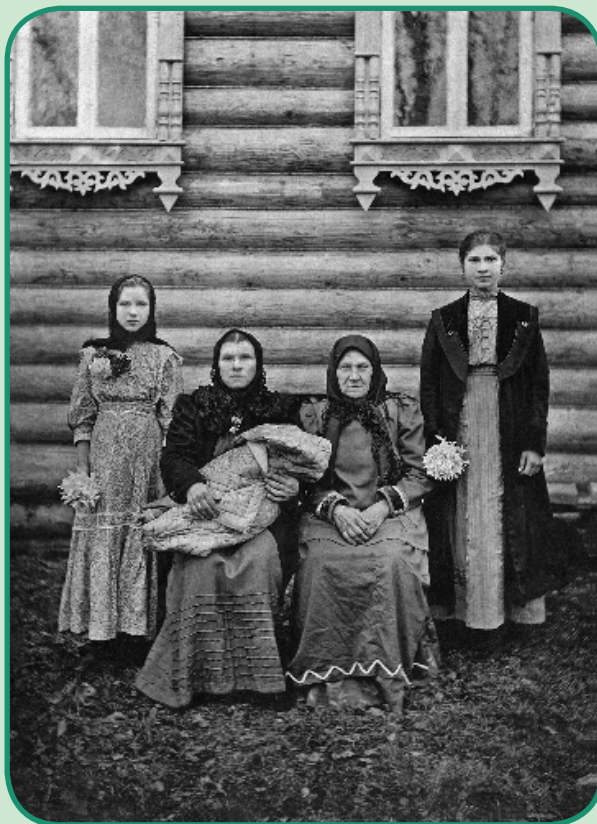

А ведь изба Страховых ещё стоит и ещё жилая! Снимок
19.07.2018 года, д. Платуново.

– А мы к вам «со здоровьем» идём! – с такими словами обычно навещали «родиху» (роженицу то есть) деревенские бабы-кацкарки.

«Здоровьё» – это чего-то хлебобулочное: лепёшка, кусок пирога, ломоть чёрного хлеба, посыпанного солью. «Родиха» все эти подношения обязана была съесть – «для здоровья». В старые голодные времена обычай очень нужный...

Жив ли он сейчас? Бог весть! Но последний зафиксированный случай вполне недавний: январь 2000 года. Тогда, как помнится, молодую маму Олю Розову навещали женщины-землячки из родной Дьяконовки. И ведь «со здоровьем» приходили!

Кацкарь натоўлся! Снимок 1913 года. д. Мартыново.

Обряд крещения у православных совершает священник. Но не всегда. Вот, например, 6 июля 1845 года в сельце Кочурове дворовая девка господ Фроловых Анисья Христоворов(н)а родила мальчика до того слабого, что окрестить его поспешила принимавшая роды повивальная бабка. Успела!

В тот же день новорожденный Иоанн, как его нарекли, и умер, но теперь было кого отпеть и потом поминать в молитвах «за упокой». Что и было сделано в Хоробровской церкви 8 июля. А в метрической книге появилась такая запись: «Иоанн. По слабости младенца крещён бабкою того ж помещика и сельца Матрёной Емельяновой, соблюдая форму, как она объяснилась: во имя Отца и Сына и Святого Духа в три погружения».

П.И. Коровин «Крестины», 1896 год.
Государственная Третьяковская галерея, г. Москва.

«Октябрины». Они же «звездины». Они же «нарекание имени». Всё это название советского обряда, призванного вытеснить церковное крещение. У кацкарей он получил распространение со второй половины 1960-х годов.

Проводили его торжественно: при большом стечении народа в местных клубах. На сцену приглашались новоиспечённые родители с новорождёнными, а также... крёстные, которых по-новому стали называть «наречённый отец» и «наречённая мать». Впрочем, все эти переименования народ (во всяком случае, кацкари) не принял: имянаречение по-прежнему называл «крестинами», а наречённых родителей – «крёстными» (по-кацкие «кóкой» и «кóка»). А в летиковской стороне так и завклуба Алевтину Дмитриевну Новожилову, внедрявшую этот новый обряд, в шутку прозвали «поп Алевтин».

Но вернёмся на сцену – к родителям и новорождённым. Их обязательно поздравляли председатель сельсовета, председатель колхоза и прочие официальные лица. Вручали свидетельства. Ну и подарки дарили, конечно же – обычно альбомы для фотографий. И всё это вперемешку с номерами художественной самодеятельности.

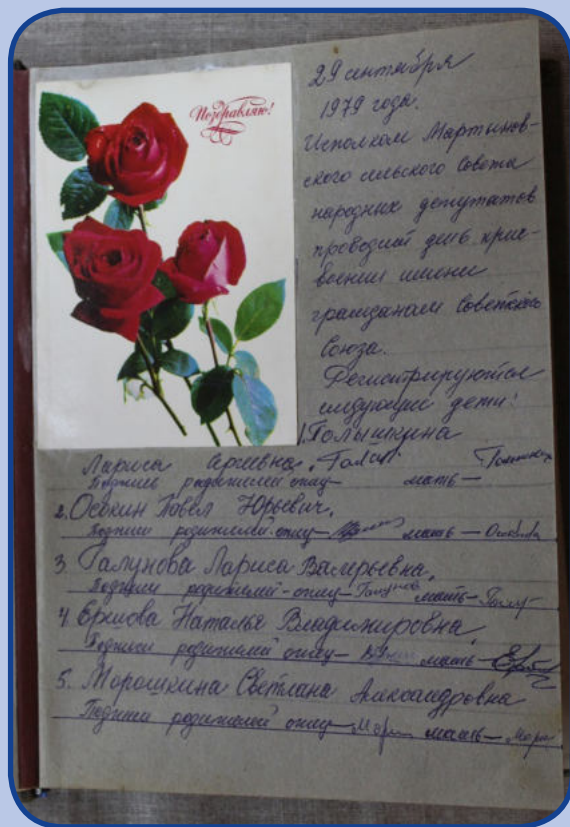
Обряд прижился, а сейчас, когда детей можно крестить безбоязненно, мирно ужился и с церковным крещением. Проходит всё также на клубных сценах – правда, не как самостоятельное мероприятие, а в рамках дней сёл и дней деревень. Жаль только, что кацкарят рождается всё меньше и меньше...

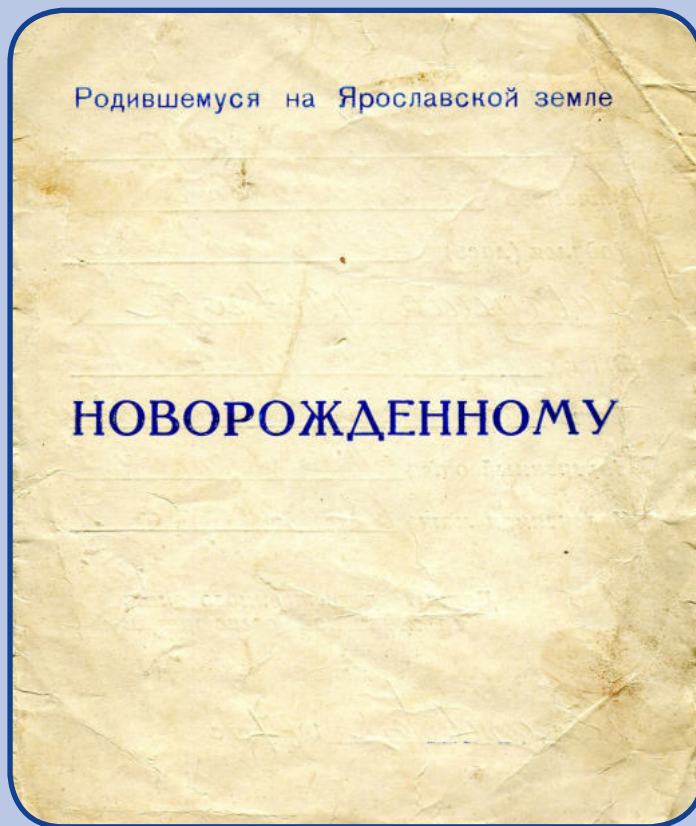
Наречение имени на сцене Мартыновского Дома культуры.
Снимок 1989 года.

Новорождённые, родные и наречённые родители, официальные лица...
Снимок 1989 года, д. Мартыново.

Лист из альбома регистрации наречений имени Мартыновского сельсовета. Из собрания Этнографического музея кацкарей, 29.09.1979 года.

Юридической силы такие свидетельства не имели, но... приятно!
Из собрания Этнографического музея кацкарей, 23.09.1967 года.

Фамилия	<u>Темляцкий</u>
Имя	<u>Владимир</u>
Отчество	<u>Николаевич</u>
Родился (лась)	<u>в д. Хорядрово</u> <u>Лавочинск 1967 года</u>
Отец	<u>Темляцкий Николай Алекс.</u>
Мать	<u>Темляцкая Мария Иванов.</u>
Нареченный отец	<u>Темляцкий Ф.Ф.</u>
Нареченная мать	<u>Вружискова А.И.</u>
Дата торжественного акта гражданской регистрации	
<u>23 сентября 1967 года</u>	

Сегодня у тебя знаменательный день: тебе дают имя. Социалистическое общество принимает тебя в свою большую семью. Ты родился в стране свободы, где человек человеку друг, товарищ и брат.

Вырастешь—помни, что ты гражданин великой Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Береги ее, как зеницу она, преумножай ее богатства.

Жизнь человека измеряется не прожитыми годами, а тем, что он сделал доброго для людей, какой оставил после себя след на земле. Твердо иди по жизненному пути, указанному Лениным.

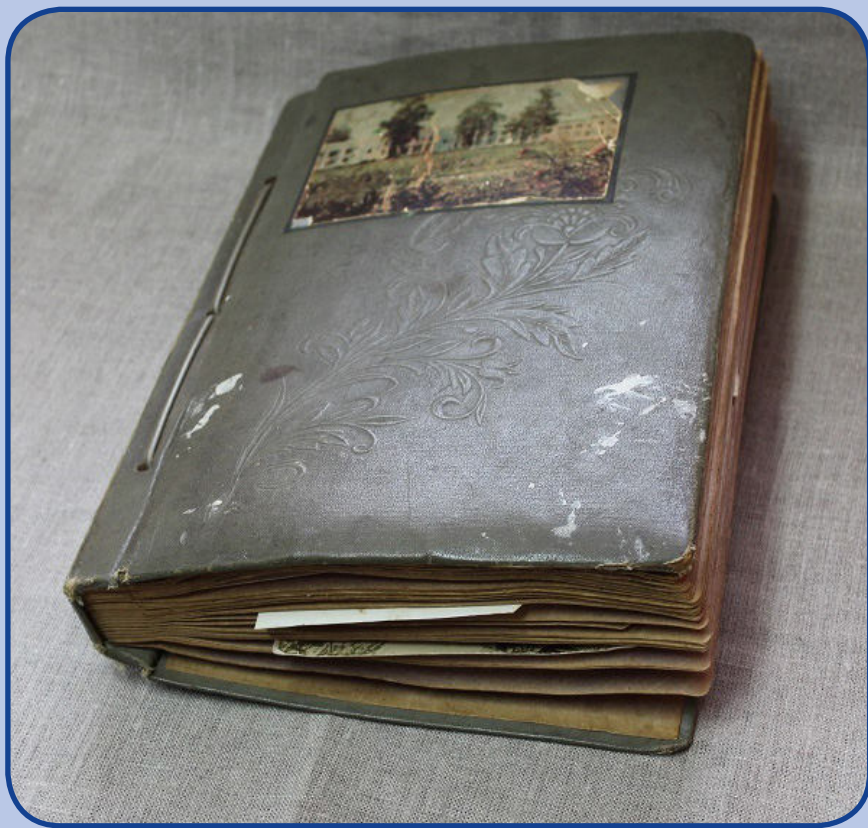
Будь настойчивым, трудолюбивым, скромным и честным в больших и малых делах.

Уважай родителей, старших, нареченных отца и мать, никогда не оставляя в беде человека.

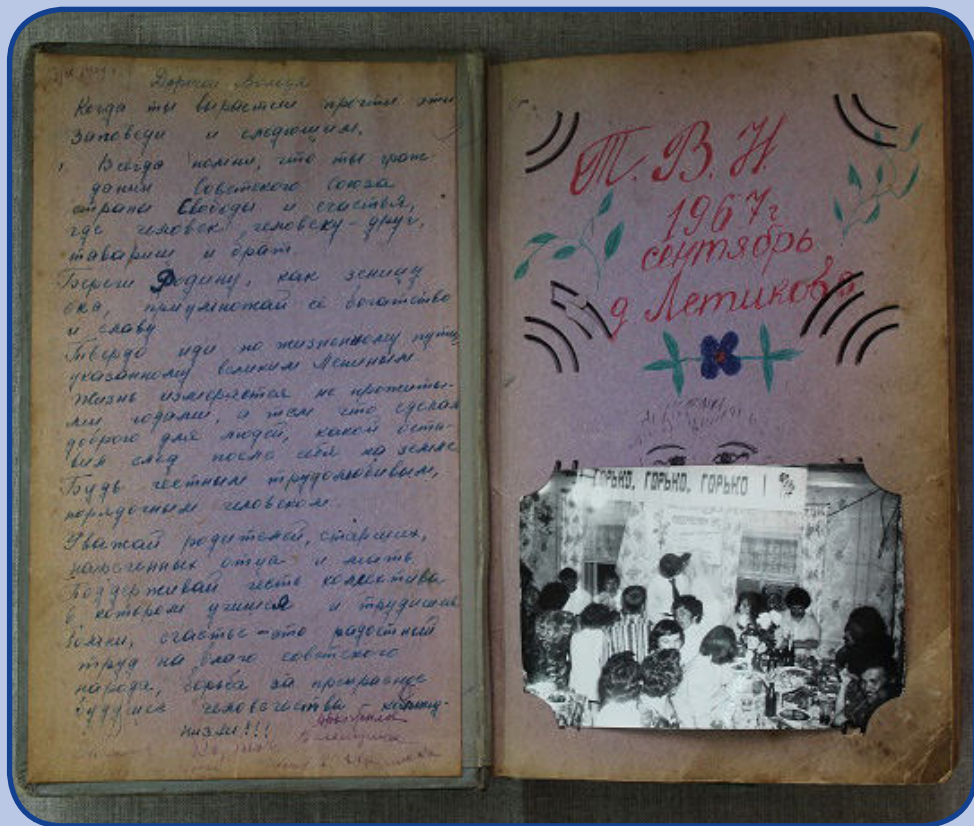
Помни, счастье—это радостный труд на благо своего народа, борьба за прекрасное будущее человечества—коммунизм. Для советского гражданина нет большего счастья, как сеять семена доброго, разумного, прекрасного, достойного коммунистической эпохи.

Исполком Совета депутатов трудящихся.

То же свидетельство – разворот.
Из собрания Этнографического музея кацкарей, 23.09.1967 года.

Этот альбом был подарен на наречении имени в сентябре 1969 года.
Из собрания Этнографического музея кацкарей.

Напутствие новорождённому.

Из собрания Этнографического музея кацкарей, сентябрь 1969 года.

«КАТЕРИНАМИ-ТО ЦАРИЦ НАЗЫВАЛИ!»

Было это в 1881 году. Родилась у нефинских крестьян Василия Фёдоровича и Евдокии Арсеньевны дочь. Повезли крестить в Николо-Топор, а священник лютый, спрашивает:

– Как назвать?

Кóка (крёстная то есть) просит: «Катёрíной...» А он:

– Катеринами-то только цариц называли, а тут Васьки Буслаева дочь! Назвать её Акулиной!

Евдокия заплакала горячими слезами: имя Акулина к тому имени уже вышло из моды и считалось насмешливым.

...Принято считать, что в старину родители в выборе имени для своего ребёнка не участвовали: как священник по Святым назовёт – так тому и быть. Просмотр метрических книг кацких церквей за XIX – начало XX веков это мнение как будто подтверждает: большинство младенцев, действительно, получили имена в честь святых, память которых приходилась на промежуток от рождения до крещения. Однако «большинство» – это не «все», и выбор у родителей всё-таки был (не зря же никола-топорский священник, хоть и «лютый», но спросил: «Как назвать?»).

Акулина Буслаева как раз из тех, кто был назван не по Святым. День её рождения по старому стилю 6 июня, а крещения – 7-го, и по Святым следовало бы Архелая, Фёкла, Сусанна, Марфа, Мария, Кира, Валерия, Марция, Прискилла, Лукина, Артемия, Кириакия, Потамиена, Зинаида или Есия. Но родственники захотели Катерина, хотя ближайšie именины у Екатерин по календарю 1881 года – 24 ноября. И быть бы девочке Катериной, если бы у родителей отношения со священником были чуть лучше!

Но священник «созоровал», и в «озорстве» своём о Святым, похоже, тоже не думал. Именины-то у Акулин (по церковному «Акилин»), хоть и недалеко, но всё ж, опять-таки по календарю 1881 года, 13 июня.

Серёжа, Саша, Коля и две Нины – деревенские дети...
Снимок 1962 года, д. Платуново.

КАК МАМА СКАЖЕТ!

Что ж, если в начале XX столетия новорождённых кацкари называли преимущественно по Святцам, то в конце его – «как мама скажет». К такому выводу пришли ученики Мартыновской школы в краеведческом исследовании «Мотивация выбора личных имён у кацкарей в 80-90 годах XX века». За объект изучения они взяли деревню Мартыново и 68 детей, родившихся в ней за это время. Так вот: оказалось, что в 25-ти случаях имя подбирала одна мама, в 17-ти – всей семьёй, в 12-ти – папа, в 8-ми – бабушка и по одному случаю дедушка, тётя, брат, мамина подруга и даже воспитательница детского сада.

А что надо мамам? Чтобы имя малыша на их слух звучало красиво, и чтобы в семье (и желательно, во всей деревне) не было тёзок. Именно по такому принципу было наречено в 1980-е годы 65% детей, а в 1990-е – 75%. И вот забегали по деревенским лужам Денисы, Оксаны, Виктории, Олеси, Владиславы, Даниэли – прежде таких имён у кацкарей не было.

23% новорождённых в 1980-е годы и 24% в 1990-е были названы в честь кого-то. Обычно в память о дедушках – десять мальчиков, и по одному ребёнку в честь прадедушки, прабабушки, дяди, умершего папиного друга, слава Богу, живой маминой подруги и... первой папиной любви! Всего два раза за это время был нарушен древний запрет называть ребёнка в честь кого-то из живых – иначе один другого «обязательно выживёт», то есть один из тёзок умрёт.

Что касается Святцев, то по ним в 1980-е годы было названо 12% малышей, а в 1990-е... никто! Традиция давать имена сообразно церковному календарю ушла на наших глазах...

Их внуки рождаются в 1980-1990-е годы...
Снимок первой половины 1950-х годов, д. Мартыново.

20 июля 1841 года. Село Юрьевское в Кадке. В местной церкви крещение.

– Как назвать? – привычно спрашивает священник.

– Прохор и Роман, – просят родители, и причетник, «ничтоже сумняшеся», выводит в метрической книге: «Прохор-Роман». Что же в этом удивительного? Да то, что мальчик-то был один, а имён ему дали два!

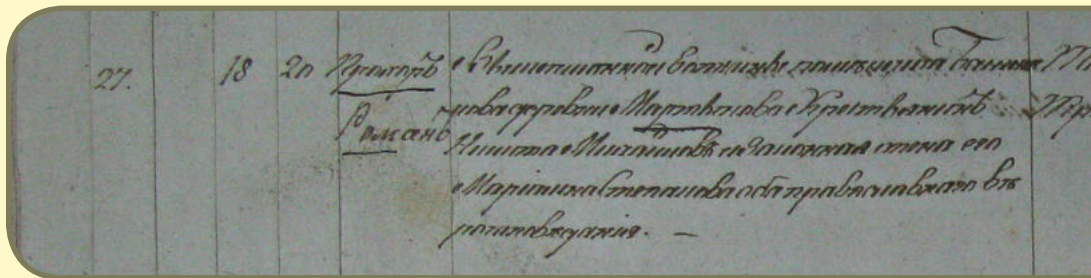
Сразу вспоминается Западная Европа: это у них, у католиков да у протестантов, принято нарекать младенцев сразу несколькими именами. Так, самую прославленную нашу императрицу Екатерину II, которая по рождению была немкой, до перехода в православие звали Софья-Фредерика-Августа. Про то, что и у русских был схожий обычай, пишут мало, хотя ни для кого не секрет, что царь Иван Грозный, например, при крещении был наречён вовсе и не Иваном, а... Титом!

Многоимённость (как правило, двуимённость) у русских – явление любопытное и отнюдь не редкое. Ну вот ещё один кацкий пример. Когда 10 сентября 1929 года в семье левцовских крестьян Котяшовых родилась девочка, то в сельсовете они записали её Тамарой, а в церкви окрестили... Валентиной. Так и жила она с двумя именами, но что за причина побуждает родителей давать некоторым своим детям сразу два имени? Ведь были же и у Прохора-Романа, и у Валентины-Тамары родные братья и сёстры, но те получили по одному имени...

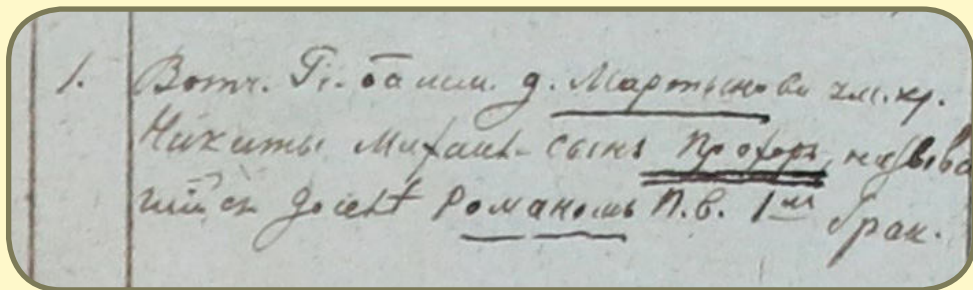
И всё-таки многоимённость не для русского человека. Ведь как в Европе: сколько человек при рождении получил имён, столько до смерти и носит. У нас же одно из имён «побеждает» другое. Так, Валентина-Тамара предпочитала, чтобы её называли Валентиной. Прохор-Роман в метрике о венчании назван «Прохор, называвшийся доселе Романом». Отпели его в 1889 году «Романом Никитиным Орловским».

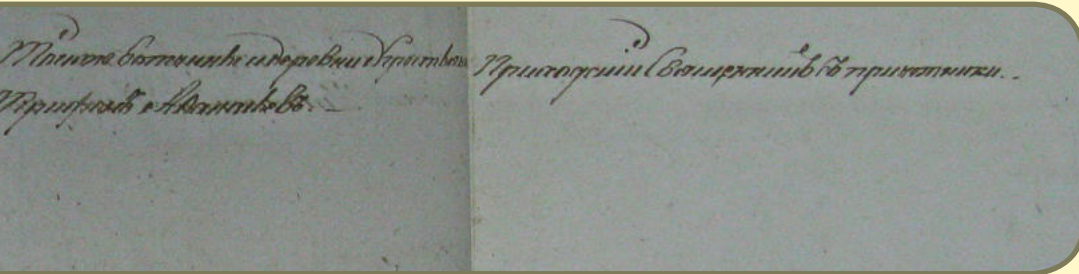
Эта могила на Николо-Топорском кладбище удивляет всех, кто знал Елисея Ивановича Богатырёва из деревни Яскова лично. При жизни-то его все звали Алексеем, и даже дети носят официальное отчество «Алексеевичи». Снимок 14.03.2020 года.

Метрическая запись от 20 июля 1841 года о крещении уроженца

В записи о венчании от 1 ноября 1859 года он назван «Прохор, называвшийся доселе Романом».

деревни Мартынова Кацкого стана двойным именем: «Проخور-Роман».

Фамиль.		Имя		Семья, имя, отчество и фамилия		Место рождения		Семейное положение	
Муж	Жен.					Муж	Жен.	М	Ж
15.	"	29	31	Деревни Мартынова отстанной кацкой Романъ Никитичъ Орловскій		49.	"	отца, матери, братья, сестры, по владению	Сосрание, тетка, по владению, приставъ по 1-му

Но умер он Романом – запись о смерти от 29 мая 1889 года. Документы из собрания филиала Государственного архива Ярославской области в городе Угличе.

ОТЧЕСТВО + МАТЧЕСТВО = ВЕЛИЧАНИЕ

Настоящий кацкарь не спросит: «Какое у Вас отчество?» Он полюбопытствует: «Как тебѣ величают?» И будет прав, потому что «величать» можно по-разному: по отцу или... по матери!

Хотите примера? Извольте!

– У нас в Хороброве после войны трое Сашей жило. Звали их Шурка Манин да Шурка Катин, да Шурка Танин.

«Манин», «Катин», «Танин» – это, конечно, не отчества. Это матчества, образованные от имён матерей: Манин – сын Марии Дмитриевны Дорофеевой, Катин – Екатерины Дмитриевны Крюковой, Танин – Татьяны Алексеевны Квасниковой. По матери детей «величают» обычно тогда, когда женщине по разным причинам приходится растить их одной.

К примеру, жила в Дьяконовке вдова Устинья Петровна Каретникова, и детей её звали Митрей Устинов, Марина Устинова и Паня Устинова. Известный тамошний гармонист Борис Николаевич Чистяков – в народе Боря Лидеин, сын Лидеи Ивановны Чистяковой. А то ещё Маня Оганина – красиво звучит! Это Мария Ивановна Блохина, дочь тётки Огани (Агафьи Егоровны Румянцевой).

Разумеется, все эти «величания» по матери неофициальные, потому как никому из кацкарок не пришло в голову узаконить их в документах. А вот горожанки – дамы «прошные», и самым настойчивым это удаётся: официально матчества не запрещены, а всё, что не запрещено... на усмотрение работника загса! И вот газеты уже рассказали о Маргарите Еленовне, Екатерине Раисовне, Елизавете Марьевне, Анастасии Анновне – в их свидетельствах о рождении именно так и написано.

Дойдёт ли эта мода до деревни? Бог весть! Но кацкий диалект к тому готов: в нём нет ни «отчеств», ни «матчеств» – одно «величание», которое можно трактовать и так, и эдак.

Шура Ка́тин, а по паспорту Александр Васильевич Крюков. «Катин» – это его матчество. Снимок 23 июля 1955 года, с. Хороброво.

Что такое «ка́чкя» – понятно: это детская кроватка-качалка; ка́чки и по сию пору в ходу. А вот слово «зы́бка» стало уже подзабываться...

Это детская колыбель, которую кацкари обыкновенно подвешивали к длинному берёзовому шесту-о́цену». О́цен пружинит и заставляет ходить колыбель вверх-вниз – «зы́бать»; оттого и «зы́бка». Удобная штука: один раз качнёшь, и зы́бка долго ещё сама по себе «зыб-зыб» – настоящая деревенская автоматика! А бывало и так: сядет мамаша рядом шерсть прясть или вязать – да мало ли у неё дел!? Руки заняты, но не беда – привяжет к своей ноге от о́цена длинную «завёрку» (верёвку). Ребёнок захнычет, она ногой дёрг – и зыбка снова «зыб-зыб», успокаивает малыша... И верно, автоматика!

А вот если кто из подросших детей разбалуетя и, пока мать кормит грудью, дёрнет пустую зы́бку, того наказывали: пустую колыбель не качают. И никто, кроме самой ближней родни, в зыбку не заглядывает! От чужого взгляда, а ещё от насекомых и сора с потолка, зы́бки обязательно завешивались пологом.

В некоторых кацких избах зы́бки висели ещё и в начале 1970-х годов. Правда, уже не на о́цене, а на... здоровенной пружине, снятой отцом-механизатором с какого-нибудь списанного колхозного агрегата.

...«Зыб-зыб» – зыбают зы́бка, а ребёнку скоро год. Около этого возраста его перекаладывали в «ка́чкю», но что о «ка́чкях» писать: они и по сию пору в строю – и в деревенских семьях, и в городских.

Зыбка 1897 года на берёзовом бочене в экспозиции Этнографического музея кацкарей. Снимок 04.04.2020 года.

«Качка» 1930-х годов в музейной экспозиции. Снимок 04.04.2020 года.

Александра Ивановна Григорьева с «потёшной кáчкёй», которую ей под куклы смастерил в 1924-1925 годах брат Михаил Иванович Знамов.
Снимок Галины Львовны Дайн, осень 1994 года, д. Мартыново.

Вот скажите, откуда у деревенского человека столько ко всему терпения? Старики ответ на этот вопрос знают:

– Да мы росли на сыва́льниках!

«Сыва́льник» – это свивальник: домотканый отрез не шире десяти сантиметров и длиной метра полтора; один из концов прямой, другой скошённый. Шили его в дополнение к пелёнкам, а пеленали до недавнего времени туго – ни ног, ни рук свободными не оставляли. Спеленают, и начнут «сыва́ть» – обматывать сыва́льником:

– Спёрва ручки омотаёшь, потом ножки, а в конце подоткнёшь. Оно и лёжит, што упакованное! Раньше несвитого ребёнка не оставят, штобы ручки-ножки кривые не были. А ещё боялись, как бы из зыбки не вывалилось.

Сыва́ли детей, пока им это было «вмогуту»: кого до девяти месяцев, кого до года, а кого и позже. Всё это время ребёнок практически не шевелился: либо спал, либо, уж коли проснулся, созерцал мир Божий без движения – вот где вырабатывалось отменное терпение!

Наконец, ребёнку дозволено двигаться, но сыва́льник не оставлял его ещё лет до четырёх-пяти. Конечно, таких больших детей не сывали, их... привязывали! (А кое-кто и до сих пор привязывает: за пояс или за ногу. Сыва́льник в этом случае шьют длиннее или заменяют его верёвкой).

Ребёнок на привязи... Жестокость это или суровая необходимость? Судите сами: отцу-матери на работу, старенькой бабушке за четырёхлетним «мну́ком» не поспеть, а детского сада нет – что делать!? Мир же полон опасностей, и главная в деревне – пожалуй, пруды. Последний случай, когда в Кацком стане утонул ребёнок, произошёл совсем недавно – в 2012 году. Родители не доглядели и сыва́льнику не доверили! Поневоле подумаешь: был бы на привязи – остался б живым...

Открытка «Не свивайте детей свивальниками и не надевайте чепчика».
Художник А.К. Комаров. Петроград, 1920-е годы. Выставка-музей по
охране материнства и младенчества.

Бедный-бедный русский язык: всё-то у нас на английский манер! Скажем, «ниблер». По названию можно подумать, что это иностранное изобретение, а между тем марлевые соски помнят ещё многие: в некоторых кацких семьях ими пользовались и в 1970-е годы. У кого бы взять мастер-класс? Пожалуй, у Валентины Николаевны Ивановой из деревни Платунова. А она и не против!

– Кладиво-то какоё бۇдём делать?

Обычно в марлю заворачивали кусочек чёрного хлеба, но кто жил побогаче – мог и пряник, и печенку. Если хлеба, то его нужно отрезать брусочком сантиметров 5-6 длиной и промочить в молоке, а у кого нет молока – в кипяточке. Жили-то все по-разному; вот и сахарный песок, чтобы кипятком подсластить, не у всех имелся. В магазинах он не переводился, но колхозники работали за трудовни, которые обналичивали раз в год. В платуновском колхозе имени Сталина, вспоминают, за трудовень платили пять копеек...

Теперь берём марлю. Она раньше была плотная, не то что сейчас – из неё даже занавески шили. Отрезаем квадрат сантиметров 25 на 25 и кладём хлеб от середины в угол. Заворачиваем конвертом, последний угол не сгибаем. Перевязываем – марлевая соска готова.

– Склáнная получилась! – итожит Валентина Николаевна. – Продо́лговáтенькая, фасóном торго́вой. Робёнку хватит надолго!

Вот так: «что имеем – не храним, потерявши – плачем». Исконная русская придумка вернулась к нам чужим изобретением под английским названием «ниблер».

Мастер-класс по изготовлению марлевой соски от Валентины Николаевны Ивановой: обмакнутый в сладкой воде хлеб кладём от середины к одному из углов...

... заворачиваем и перевязываем ниткой...

...соска готовка! Снимки 13.02.2020 года, д. Платуново.

ВОТ ТАКАЯ «ГРОМОТУ́ХА»!

Старина бережлива. Вот, режут, бывало, телёнка – ничего не выбросят, и даже... мочевого пузырь! Он липкий, и прежде натрут его на доске речным песком или золою. Растянется он, станет податливее. Надуют, как обыкновенно надувают воздушные шарики, опустят три-четыре горошины или мелких камешка – и на шест к печке сушиться. Недели через полторы снимут и... отгадут ребёнку.

Ну а кому же ещё, ведь «громотуха» – это детская потёшка.

– Фу! – поведут носом современные эстеты. – Погремушка из мочевого пузыря! А если ребёнок её в рот возьмёт!?

Да и пусть возьмёт! Мочевого пузырь – то же мясо, продукт экологически чистый. А вот когда ребёнок берёт в рот современную погремушку, сделанную в Китае... Что он там берёт? Может статься, и всю таблицу Менделеева...

Старина порой кажется грубой и даже убогой, но не потому что таковою была. Просто мы, современные люди, чересчур уж от земли оторваны...

«Громотухи» из собрания Этнографического музея каикарей. Снимок 15.07.2014 года.

«ПРИБА́ЙКИ» – ДЕТСКИЕ СТИШКИ

Всякого рода детские стишки и песенки, в том числе и колыбельные, кацкари называют одним словом «приба́йки»: то ли от «ба́ять» – «говорить», то ли оттого что многие из них начинаются со знаменитого «бай-бай»:

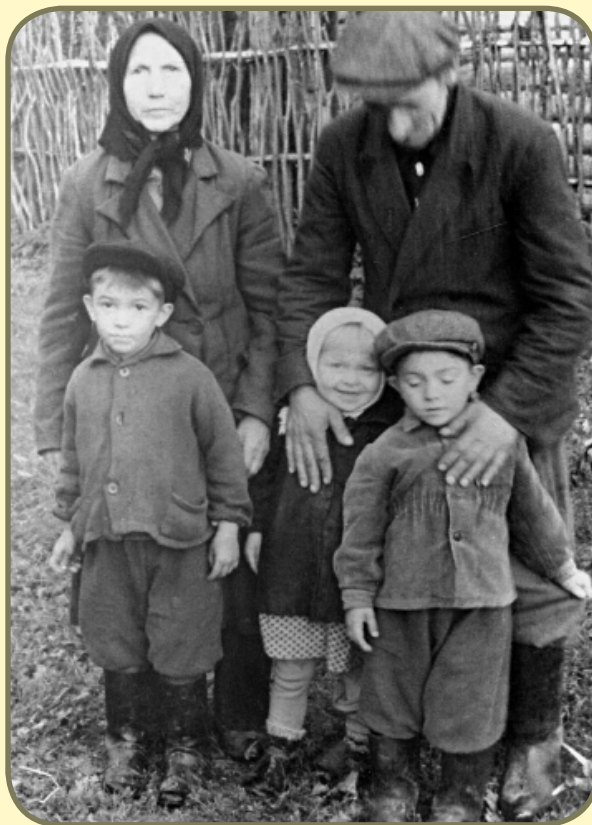
*Бай-бай, бай-бай,
Наш Ондру́шка, засыпай!
Глазки а́нгельски закрой –
Богородица с тобой...*

Засыпает «Ондру́шка» и под мерное качание колыбели усваивает строй родной речи: интонацию, звуки, слова. И вот он вместе с «приба́йкам» уже учится говорить:

*Зайчик-мура́вчик
Вы́шкнул травку,
Положил на лавку.*

«Вы́шкнул» – это «выщипал», ну а «мура́вчик» зайчик от того, что живёт в «мураве́» – траве... Для подросткового ребёнка «приба́йки» – целые житейские истории и обязательно с юморком:

*Ай гу-гу́, гу-гу́, гу-гу́,
Потёрял мужик дугу!
Потёрял мужик дугу
На зёлё'ном лугу;
Шарил-шарил – не нашёл,
Сам зары́кал и пошёл.
Чу! Робя́та кричат –
Не дугу ли таща́т?
Помаска́лим, брат Иван,
Не доста́нется ли нам!?*

Дедко с бабкой, «мнўки и мнўчкя»: есть кому рассказывать, есть кому и слушать. Снимок 1950-х годов, д. Чернево.

*Ёжик-ёжик ежева́л,
На пёчѹнке ночевал.
Пришла бабка на повой,́
Взяла ноженки с собой,
Ёщѹ ниточек клубочек –
Завязать ёжу́ пупочек.*

На первый взгляд, эта кацкая «приба́йка»-колыбельная кажется смешной и непонятной. О чём она? О еже, собирающемся... рожать? Стѹит ли петь об этом детям!?

Стѹит, ибо подлинные фольклорные произведения не терпят бессмыслицы. Напевая про «ёжа́», мать ещё с пелѹнок знакомила малыша с древнейшим мифом о... гибели и возрождении мира. Да-да, мысли о конце света волновали человечество и тысячу лет назад!

Итак, мир погиб. Это следует из того, что действие колыбельной происходит на «пѹчѹне», а «пѹчѹною» кацкари называют либо место в черте населѹнного пункта, где когда-то стоял дом, либо лесной сенокос на месте бывшей деревни. Каменных фундаментов наши предки не знали, а деревянные стены гниют быстро, и только груда кирпичей, оставшаяся от печки, выдаѹет, что здесь когда-то было жильѹ. Было, да пропало. Погиб дом, исчезла деревня, нарушился мир.

Но мир возродится – обязательно возродиться: ёжик-то вот-вот родит! Подрастут детки, наберутся сил и на старых «пѹчѹнах» срубят новые избы... Почему же честь возрождения мира выпала именно «ёжу́»? Ну, во-первых, это ночное животное, а ночь в представлении древних – время потусторонних сил, магий, колдовства. А во-вторых, на каждую зиму ёж впадает в спячку: осенью «умирает», а весной «возрождается» – кому как не ему, имеющему опыт собственного «возрождения», и Вселенную возродить!?

Вырастут и эти детки: и мир спасут, и новые избы срубят!
Снимок 1962 года, д. Платуново.

Отцы и дети – сюжет извечный. Бывает и так:

Робята поповы горох молотили –

Попá-то с кáрженки убили!

Попадью-то – с пéчи,

Обломали плéча!

А борáн – с сошкá,

Обломал рожкá,

А курица – с плóшки,

Обломала ножки,

А пётун – на чёлó,

Сам не знáёт нечөгó!

Хороши «робята»: отца-«попа» убили, мать-«попадью» покалечили... Что за древний миф сберегла в себе эта кацкая «прибáйка»?

Начнём с гороха; он в ней сродни тому, что в сказке «Петушок – золотой гребешок и чудо-меленка». Помните: упала в подполье горошинка, проросла и выросла до самого неба. То есть стала Мировым деревом – тем самым, что соединяет три мира: мёртвых (подполье), живых (изба) и богов (небо). И вот стал кто-то это Мировое дерево молотить – сотрясать устои Вселенной.

А впрочем, почему «кто-то»? Это дети богов («робята поповы») восстали против родителей («попа» и «попадью»). Досталось и жертвенным животным: барану, курице, петуху.

Оплот старого мира в прибáйке – русская печка; названы «кáрженка» – лежанка, «сошóк» – шесток, «чёлó» – печная стена над устьем. Печь и сама по себе Мировое дерево: её фундамент в подполье, тонка в избе, ну а труба уходит в небо – туда, где боги-родители. Впрочем, их царство уже закончилось. Новое время – новые боги. Такие вот «отцы и дети» на кацкий лаг...

Какие дети – счастливые слушатели древних прибаёек.
Снимок Т.А. Чесноковой-Региль, около 1967 года, с. Хороброво.

«КОЧИ́ГА» – НАКАЗАНИЕ В УДОВОЛЬСТВИЕ!

Бывает, надо бы наказать ребёнка. Вернее, да же не наказать, а внушить, что впредь так поступать не следует. У кацкарей для такого дела имеется «приба́йка» под названием «Кочи́га».

«Кочи́га» – это чуб, чёлка. Наказуемого следует взять за чёлку и начать её накручивать, нараспев приговаривая:

– *Кочи́га, кочи́га,
Чёму́ те́бя мать учила?*

Тут главное – не переусердствовать: накручивать так, чтобы баловнику было «и больно, и смешно». И чтобы он чувствовал, что при желании можно покрутить и посильнее:

– *Жить – не лягёт,
Колёсо́м ве́ртьётъ...
Муха или пчёлá!?*

Наказуемый выбирает: либо «муха», либо «пчёлá». Если «муха», то:

– *Дотяни до са́мого брюха!* – и потянуть за волосы вниз.

Если «пчёлá»:

– *Опять грать поча́л!* – и начать наказание сызнава. После повтора каждый выбирает уже «муху», и тогда:

– *Хвать те́бя за брюхо!* – схватить за живот и начать щекотать.

Кацкарятам это наказание почему-то очень нравится. Стоит только одному накрутить «кочи́гу», так и остальные:

– И мне покрути́тё. И мне! И мне! И мне!

Так что и наказание бывает в удовольствии!

«Ўтум падёр’ятам, дело вёр’няк, коц’угу вёр’тэли!». Снимок 1956 года, д. Трухино.

ЧТО ЗА БЛЮДО «БЁРЁ́ЗОВАЯ ЛАПША»?

Не приходилось ли вам угощаться... берёзовую лапшой? Бывалые кацкари, конечно же, закивают: «Угощáлись! Знаём!» Вы только не позавидуйте им: берёзовая лапша – это... берёзовые розги!

А впрочем, наказание «бёрё́зовою ви́цой» (берёзовым прутом) – похоже, общерусский обычай. На ум приходит рассказ Чехова «Хирургия», бормотание фельдшера: «Невежа... Мало тебя в бурсе берёзой потчевали...» Когда-то на Руси берёзовые прутья предварительно вымачивали в горячей воде, отчего порка вызывала жар в теле. Но кацкари пороли безо всякого вымачивания и называли это «напóтчэвать бёрё́зовою лапшо́ю». В некоторых деревнях говорили и «бёрё́зовою запётя́кою» (то есть кашею), но сути дела это не меняло: розги – они и есть розги.

– С нам, с робятам, сидела ба́ушка Шура. И вот, дрéмлёт она на стуле, а в руках бёрё́зовая ви́ца. Мы спёрвá смирно сидим, а потом осмёлéём и давай вокруг печки носиться. Да всё шибче, да всё громче! Ба́ушка Шура обоснётся, да как стеганёт, хто под руку подвёрнётся! Мы опять притихнём. Чу, дрéмлёт! Изловчимся – выхватим ту ви́цу, изломаём и в подполье скороним...

В домах, где не было «ба́ушки Шуры», розга обычно торчала за причелиной над входной дверью. Чуть разбалуются дети, взрослые на неё показывают:

– Вот ужó напóтчэем вас бёрё́зовой-то запётя́кой!
До дела, правда, эти угрозы редко когда доходили.

Если в деревнях и наказывали, то, как правило, за поздний приход с гуляния. Снимок П.К. Лебедева, 1981 год, д. Чернятино.

КЛЁНОМ КЛЯСТЬ – ДЕЛО ХУДО!

– Нельзя дѣтѣй гребыхать! – поучают старики. «Гребыхать» – это ругать значит.

– Будут которые родители гребыхать да клясть робѣнка, вот и проклянут. Как клѣ'ном клянѹт, дело худо!

– Своѣх дѣтѣй нельзя проклинать. Особенно мáтери, ведь мáтерино слово и со нна морского вытáскивает. А чѣрт худѣем-то словам обязáтельнѣ воспóльзуется.

Вот такая она, народная педагогика: «кочúга» – пожалуйста, «бѣрѣ'зовая лапша» – да ради бога, но чтобы «гребыхú» – ни-ни!

Матери и дети. Снимок мая-июня 1965 года, д. Комарово.

ПРО КОБЕЛЁВСКУЮ ДУНЯХУ

Жила в Кобелёве молоденькая девушка. Жила – бедовáла: родители к ней всё время с придирками. И вот как-то в августе месяце накопила она картошки и пошла на колодец воды начерпать – картошку мыть. Только она ведро вниз опустила, как подошёл сзади какой-то парень и давай обхватывать.

Она на соседа подумала:

– Иванку! – кричит. – Иванку, отстань!

Но парень сильней обхватывает, а сам старается с девушки крест снять да её в колодец спихнуть. Сколько ни бился – никак не получается! Поташил её во клев, под самый-то зáстрех закрутил.

А домашним и ни к чему. Приехал брат, вот уж и за стол сели.

– А сёстрá-то где? Где Дуняха?

Схватились – кинулись искать. Услышали, кто-то стонет слабенько – сняли. Умерла после этого Дуняха, много не нажила. А не кляли бы её родители – ничего бы не случилось!

Девочки у колодца. Снимок 1910 годов, д. Платуново.

С МЕСЯЦ ИЛИ ДО ГОДУ?

Вот попробуйте – спросите: до какого возраста новорождённого желательно не показывать никому, кроме самой близкой родни? От ответов закружится голова:

- С месяца!
- Месяца два!
- Сорок дней!
- С полгода!
- Как научится сидеть!
- До крещения!
- До́ году!

И какой же из них следует признать правильным?

Этнография не знает понятия «правильный» или «неправильный» обычай: у каждого поколения свой резон.

«Ду году» – это ответ кацкарей-старожилов. «В старое время в Запасове были большая рождаемость и смертность детей, – писал о своей родной деревне один из них Михаил Иванович Казаков. – Так, в 1902 году в течение двух недель принесли детей матери: Глафира Кубасова – двоих, Ксения Журихина – троих, Дарья Бойцова – двоих и Феодосия Воробьёва – двоих же. Итого 9 робёнок, но в живых из них никого не осталось». Особенно опасным был первый год жизни, отсюда и запреты, связанные именно с ним: до́ году волосы не стричь, к зеркалу не подносить, чужим не показывать...

С развитием медицины детская смертность начала сходить на нет, и оберегать новорождённых можно уже не так строго. Однако ж их изоляцию от посторонних, пусть и не столь длительную, в народе до сих пор считают целесообразной. Не забывают и о «самоконтроле»: чужого младенца рассматривать неприлично!

«Мнѹке» год, можно и народу показать!
Снимок В.П. Покровского, 1920 год, с. Ордино.

КОГДА «РОБЁ́НКО БЛАГО́Ё»

– Ой, робё́нко-то у вас како́ё Благо́ё!

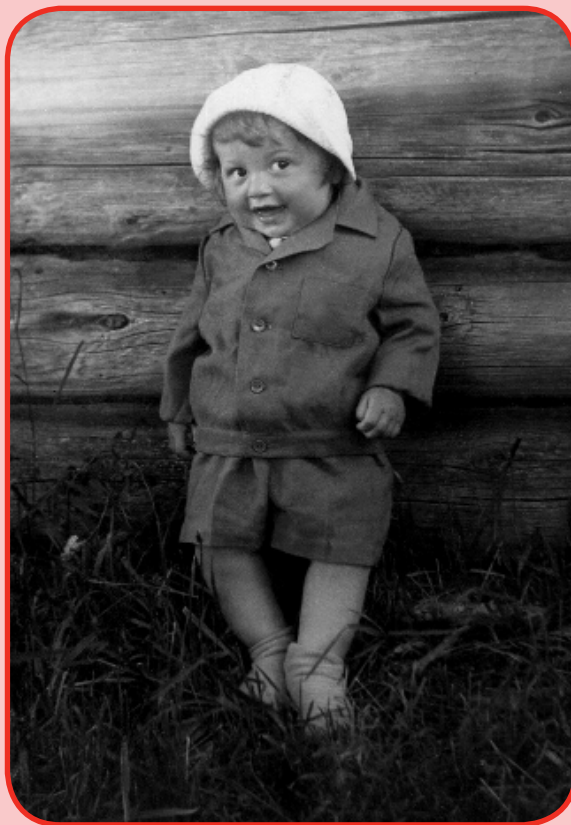
То есть беспокойное, плаксивое дитя – с таким « всю ночь не спавши». И что же делать!? Вот вам несколько советов от кацкарей.

Можно сделать отвар из калиновой коры, и в том отваре крикуна купать. А ещё лучше вынести его на двор – пускай немного полежит на соломенной подстилке для скотины.

Хорошо побрызгать святою водою. Делают это все по-разному: кто без особых премудростей, а кто через дверную ручку. Тут уж одному не справиться: один держит ребёнка у двери, а другой льёт воду на свою ладонь и подкидывает её так, чтобы брызги летели сквозь дверную ручку и попадали на младенца. Третьи льют святую воду через дверную ручку трижды, затем умывают ей ребёнка и выливают где-то за домом.

И наконец: а может, ребёнок просто «некщё́ной» – некрещёный?

– У меня́ сын плакал бо́льнё: «Давай оксти́м ёго!» И оксти́ли, штóбы не плакал. Волосики состригну́ли – закатала их в воск, кинула в тазик, вышла на крыльцо и че́рез плёчо вы́порхнула.

Ну, ёто кацкарёнка точно не «Благое»!
Снимок конца 1960-х годов, с. Хороброво.

Оскудела деревня народом. Даже бабушек «знающих» совсем не осталось...

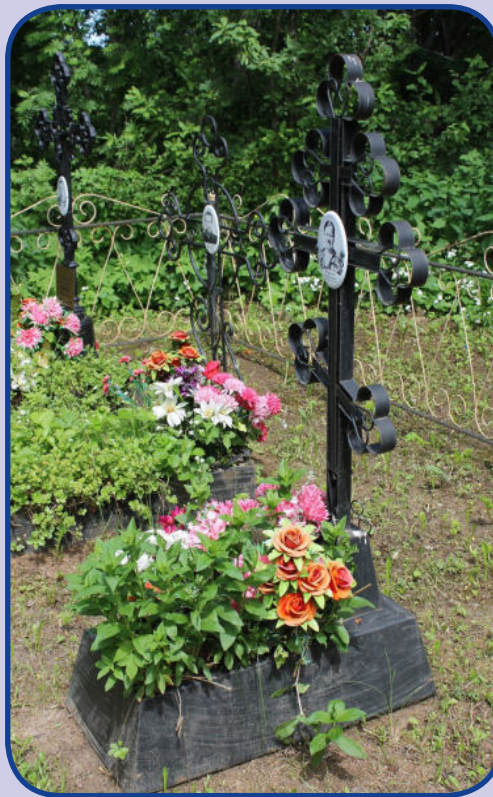
А ведь ещё в начале 1980-х годов в Мартынове, например, если у ребёнка грыжа, обращались к Анне Васильевне Тарасовой – она заговаривала на мыло да на манную крупу. Как именно это происходило, никто не знает, потому как баба Ньюша всех просила выйти из избы. Когда родители возвращались, их ждал безмятежно спящий ребёнок. Заговорённым мылом следовало ребёнка мыть, а смесью из манки – из расчёта одна ложка на стакан воды – кормить. Рассказывают, помогало всегда и быстро!

А в Платунове вспоминают, что в таком случае бежали к охотнику Николаю Павловичу Волкову и просили у него ружейного пороха – совсем немного: крупинку, две ли. Разводили порох кипятком и поили.

И вот – оскудела деревня народом. Ни фельдшеров (ФАПы-то почти все позакрывали), ни «знающих» бабок (все они поумирали). Как ребёнка растить!?

Анна Васильевна Тарасова
умерла в 1984 году, унеся своё
умение в могилу...

Её могила на Николо-Топорском
кладбище всегда ухожена.
Снимки 13.06.2020 года.

«ПОТЁШКИ» – ЭТО СЕРЬЁЗНО!

«Я отношусь к игрушке как к очень важному и серьёзному делу, – написала однажды Галина Львовна Дайн. – Потому что игрушка – язык культуры».

Галина Львовна – человек известный. Кандидат искусствоведения, признанный специалист в области изучения русской игрушки и детской культуры, автор около 250-ти публикаций и более десятка книг. Осенью 1994 года она совершила этнографическую экспедицию по Кацкому стану, результатом которой стала работа «Мышкины потёшки». Кацкари-краеведы её бы назвали, конечно, «Кацкие потешки», потому как основные научные находки Галиной Львовной были сделаны именно у нас – в Кацке. В том числе и само слово «потёшка»: «Никогда раньше я не слышала столько раз из уст старожиллов давно устаревшее слово “потешка”. Оно как бальзам на душу!»

«Потёшка» в русском языке и «стихотворение-приговорка для детей», и «детская игрушка». Для кацкарей – однозначно «игрушка» (а детский стишок – «прибайкя»). Они ведь только с виду просты, эти игрушки-потёшки, а на самом деле и учат, и воспитывают, и развивают. А подчас ещё и хранят память целых тысячелетий!

Ну а Галина Львовна Дайн, вспоминая ту самую экспедицию 1994 года, писала: «Однако могу сказать в итоге, что кацкари сохранили традиции, пусть даже только в памяти, в большей чистоте и ясности, чем остальные».

Галина Львовна
Дайн привезла в дар
Этнографическому музею
кацкарей свою новую книжку.

Стенд об экспедиции 1994 года
был для исследовательницы полной
неожиданностью! Снимки О.А.
Перовой, 05.11.2019 года,
Этнографический музей
кацкарей

ПОТЕШНАЯ КРОВАТКА «ПО-ВЗРОСЛОМУ»

Путешествуя по Кацкому стану, Галина Львовна Дайн остановилась в Мартынове. И тут её ждало первое свидетельство серьёзного отношения кацкарей к игрушкам-потёшкам и к детству в целом. Хозяйка дома Александра Ивановна Григорьева, будучи в преклонном возрасте, как оказалось, всё ещё хранила куклу, в которую играла в детстве. Да какое там «в детстве» – в куклы её сверстницы самозабвенно играли до самого замужества!

Но не этот факт удивил известную исследовательницу, а то, что вместе с куклой сохранилась... и «потёшная» кровать для неё: «Вещица великоленной работы! Сделана по всем правилам мебельного дела: края отлогие, спинка закруглена, стоит на низких ножках-качалках. И окрашена благородно: внутри – голубым, снаружи в коричневый цвет... И что интересно – это не модель детской кровати, а настоящая игрушка, готовая для игры».

А вот строки, написанные Галиной Львовной двадцать пять лет спустя:

«Кукольная кровать из дома Григорьевых – уникальная моя находка! Мебель для кукол делали на многих промыслах – образцы есть во многих музеях. Но этот экземпляр, удивительно органичный со всей бытовой домашней средой – конкретное свидетельство поощрительного отношения взрослых к кукольной игре. За этим кроется бережный смысл, уходящий в глубину веков».

– Кроватьку-то старшой брат мне сделал, Михаил. Где-то в 1924-1925 годах, – пояснила хозяйка Александра Ивановна. – Помню, и постельничек сдѣлаём, набъём соломкой, и одеяльцо лоскутноё соберём на вѣтошечке. Кукол туда посадим и качаем.

А что за куклы? Они у кацкарей бытовали либо фабричные – «ляльки», либо собственно «кўклы» – самодельные из дерева, соломы или кудели.

«Потешная кроватка» Александры Ивановны Григорьевой, и в ней кацкая кудельная кукла. Снимок Г.Л. Дайн, 24.10.2019 года.

«Потёшные» сани – ещё один образец серьёзного народного отношения к игрушке (из собрания Этнографического музея кацкарей). Снимок 24.07.2020 года.

Самая простая в изготовлении из народных кацких кукол – кукла-крестушка. Делаешь крест и одеваешь: столбик – это, стало быть, туловище, а перекладинка – руки. Осталось только привязать косу: «Мужичков-то не делали, только девушек!»

Соломенная кукла тоже, вроде, не хитра, да где теперь найдешь ржаной соломы!?

«Парились в печке и подстилали солому. Высокая, ржаная – теперь-то и нет такой. А из печки-то будет мягкая, гибкая. Вот и сделает мать куклу. И ручки загнёт под бока и уберёт их в стан. Подстрижёт по подолу, и получится кукла как в клешёном платье. Поставим на стол, застучим по нему кулаками, и запляшет наша кукла!» – этот рассказ Клавдии Николаевны Румянцевой, родом из Чернева, помещён в очерк Галины Львовны Дайн «Мышкины потешки».

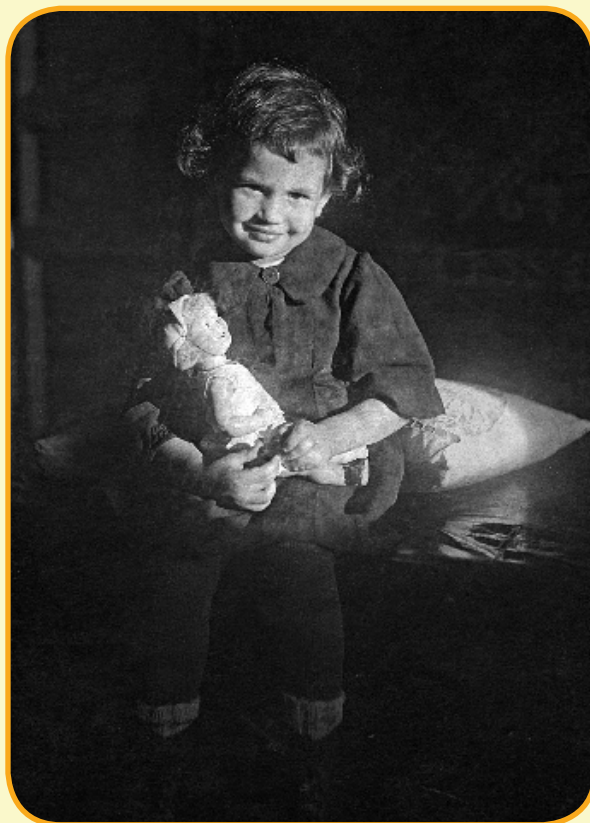
А вот лён кацкари, слава Богу, сеют до сих пор, и льняной кудели можно раздобыть на местном льнозаводе «Мёрга». Её нужно «завалять» в белую тряпку, перевязав грудь крестом льняными же нитками. Затем пришить льняную косу; руки и ноги к такой кукле не приделывают и лица не рисуют. Своеобразная получается кукла: безликая, безрукая, с длинными волосами, с отмеченной косым крестом (символом плодородия) грудью – ни дать ни взять языческий идол!

Вот такие примерно куклы-крёстúшки делала для себя в детстве Наталья Ивановна Каретникова, 1905 года рождения, из деревни Дьяконовки. Из собрания Этнографического музея кацкарей, реконструкция 2000 года.

Эта соломенная кукла сделана под чутким руководством Клавдии Фёдоровны Голышкиной, родившейся в 1928 году в деревне Черневе. Из собрания Этнографического музея кацкарей, реконструкция 2000 года.

Покупные – фабричные – куклы-«ляльки» у кацкарей, конечно, тоже бытовали. Снимок 1920-х годов, г. Владышино.

А это дореволюционная фотография семьи отходника из деревни Кузьмадемьянки Константина Фёдоровича Шерстнёва. Обратите внимание: девочки с фабричными куклами.
Снимок 1914 года, г. Петроград.

Эта кукла сейчас известна всем, кто занимается традиционной русской игрушкой, но миру она явилась сравнительно недавно: осенью 1994 года. Рождалась, как в сказке: три дня и соборно.

...С Анной Васильевной Щениковой, 79-летней жительницей Мартынова, этнограф Галина Львовна Дайн познакомилась в первый же день своей экспедиции по Кацкому стану – 26 октября. Старушка рассказала ей о местной кукле из льняной кудели, но делать её наотрез отказалась, потому как ту самую кудель не имела. Впрочем, припомнила, что кудель на косу должна быть у соседки. «И вот, – вспоминает Галина Львовна, – иду с просьбой к Екатерине Васильевне Великолеповой и получаю шелковистую прядь чистого льна. На горочке хранился, завязан в мешочке; сама трепала и чесала. Возвращаюсь радостная: коса теперь обеспечена. Но не тут-то было! Когда разложили на столе белую ткань, чтобы делать основу, Анна Васильевна опять заартачилась:

– А во что заваливать-то? Опять нет кудели!

– Тряпками набьём, раньше так и делали.

– Нет, так нельзя!..»

27 октября Галина Львовна провела в Дьяконовке, где остановилась на ночлег у Зои Васильевны Чистяковой. Спросила, нет ли у неё кудели, и на куклу та дала с удовольствием. И вот 28 октября Галина Львовна вновь у Анны Васильевны... Кукла, наконец, готова!

«Получился коллективный труд, – итожит Галина Львовна. – Внутри куколки кудель от Зои Васильевны, коса от Екатерины Васильевны, а мастерила Анна Васильевна. Но самое ценное здесь даже не сама кукла, а отношение Анны Васильевны Щениковой к набивке именно куделью – свидетельство бытования местной культурной традиции возделывания льна. Такое нигде больше не встречалось».

Вот она, знаменитая кацкая кудельная кукла, сшитая Анной Васильевной Щениковой в 1994 году.
Снимок Г.Л. Дайн, 20.11.2006 года.

Чтобы изготовить куклу,
прежде формируют из льняной
кудели набивку...

...затем «заваливают»
кудель в белую тряпку...

переворачивают...

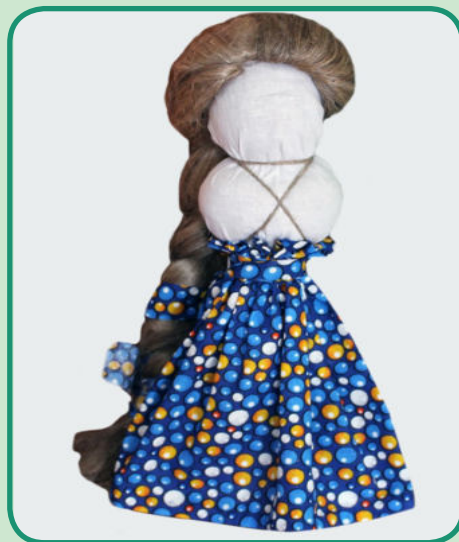

и стягивают льняной ниткой.

Осталось надеть юбку...

...и пришить косу. Кукла готова!
Снимки 20.08.2020,
Этнографический музей кацкарей.

Было время – деревенский ребёнок мог сотворить себе потёшку из всего, что подвернётся под руку. Вот и Г.Л. Дайн в подтверждение записала рассказ кацкарки Александры Ивановны Григорьевой:

«...Клетушка у нас была сделана – её к амбару пристроят, на солнышке. И скамеечки там, и стол. Глины натащим туда: посуду делали и пироги пекли, сочни ляпали. К Пасхе и куличей напомним, и тарелок с яичками. Черепки по канавам искали: все-то потёшки, всю-то дудору в клетушку соберёшь! Обмылков найдём, в черепке разведём, кончик у соломы расщиплем и пускаем мыльные пузыри. Оторвётся пузырь, полетит, а мы смотрим – чей дольше не лопнет...»

Но то рассказ старожила. А что сейчас?

Сотрудники Этнографического музея кацкарей провели эксперимент: дали мартыновским детям пуговицу с ниткой, картофелинку с пером и ровную палку длиной около метра: сумеют ли они из всего этого сконструировать хотя бы одну потёшку? Не сумели! Хотя в 1990-е годы и в бёркало, и в балабонку, и в «палочку-комулялочку» их сверстники ещё играли...

Бёркало – это крупная пуговица с «провдёткой» туда-обратно ниткой, концы которой связаны. Нужно взяться обеими руками за концы нитки, раскрутить пуговицу, а затем то натягивать, то ослаблять напряжение нитки. Стремительно вращаясь, пуговица «поёт».

Балабонка – это перо, воткнутое в небольшую картофелину. При подкидывании балабонка, падая, забавно вращается.

Ну а «палочку-комулялочку» нужно удерживать как можно дольше в вертикальном положении на одном пальце (или на двух, или на ладони – как игроки договариваются).

Кстати, а чем же закончился эксперимент? Да тем, что дети с удовольствием в эти потёшки «из дудоры» поиграли!

Душлаг – это, конечно, не «дудора», но и детской «потёшкой» его не назовёшь! Снимок середины 1970-х годов, с. Хороброво.

Картофелина с пером – это и есть балабонка
(а ещё так кацкари называют кувшинку).
Снимок 24.07.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

Буркало – потёшка занятная.

Удержать «пáлочкю-комулялочю» вертикально не так-то просто! Снимки О.А. Перовой, 17.07.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

ЕЩЁ О ПАЛОЧКЕ-КОМУЛЯЛОЧКЕ

Что такое «пáлочья-комулялочья» никто из кацкарей внятно не объяснит, но вот «приба́йкю» о ней некоторые ещё помнят. Из сегодняшнего дня она кажется порядком странной, и даже если растолковать, что «в́ыглохтать» – это выпить, «в́ышкнуть» – выщипать, «Бабу́рики» – цветы, а «умаска́лить» – уйти, смысл всех этих вопросов и ответов для современных слушателей всё равно не понятен.

- Пáлочья-комулялочья,
Кого пасла?
- Лошадей пасла.
- Кого в́ыпасла?
- Жоробё'ночка.
- Где жоробё'ночкё?
- Фíлька унёс.
- Где Фíлька?
- В клетку ушёл.
- Где клетка?
- Водой унёсло.
- Где вода?
- Бычки в́ыглохтали.
- Где бычки?
- По горам ушли.
- Где горы?
- Бабу́рикам уросли́.
- Где бабу́рики?
- Девки вышкнули.
- Где девки?
- По заму́жьям ушли.

- [— Где мужа́я?
— Поумерли.]
— Где ѹхни моги́лы?
— Травой уросли́.
— Где трава?
— Коса выкосила.
— Где коса?
— На жо́рзочке?
— Где жо́рзочка?
— В печке спале́на.
— Где пе́чка?
— На войну умаска́лила!*

ЖУМА́РКИ, КОРОНИ́ЧКИ, ЗАЙЦЫ, ЧЁРÉПКИ...

Кацкари – люди русские, и большинство детских игр у них такие же, как и по всей Руси. Ну разве что со своими диалектными названиями: «жума́рки» – жмурки, «коро́нички» – прятки (потому что «коро́ниться – прятаться и есть»). Но бывает, отличаются и правила.

Скажем, «за́йцы» – кацкий аналог всем известных салок. Игроки делятся на три команды: «зайцы» (самые старшие), «охотники» (те, кто помладше) и «собаки» (малыши). «Зайцы» убегают – «охотники» и «собаки» догоняют их, причём «охотники», как более старшие, командуют «собаками». «Заяц» считается «убитым», если его осалят.

Или «чёрéпки» – классику по-кацкие. В дорожной пыли чертится большой прямоугольник, который разбивается на кон и ещё шесть клеток. С кона кидают «чёрéпку» (битую посудину) – в какую клетку попадёшь, туда на одной ноге и скачешь. А промазал – передай очередь друтому.

А вот «пы́шки» – они, наверное, и в Африке «пы́шки»:

– В 1950-е годы конфеты в фантиках были большой редкостью, в магазинах в основном продавались леденцы да подушечки. «На конфету!» – угощают, бывало, и больше радуешься фантику, а не конфете. Особенно ценились фантики после ирисок или шоколадок: они плотнее, летят дальше.

Конфетную обёртку следует сложить в прямоугольник. Первый игрок кладёт её на ладошку и толкает ударом ладони из-под низу по столешнице. Второй таким же образом толкает свою обёртку – да так, чтобы накрыть предыдущей хотя бы уголок. Получится – забирай пышку себе, нет – переход хода. Игра заканчивается, когда таким образом все пышки разобраны.

Фантик, сложенный для
игры в пышки.

А толкают пышку так.
Снимки 14.08.2020 года,
Этнографический музей
кацкарей.

КРЕПКОЛОБЫЕ ЛОДЫЖКИ

Когда в 1980-1990-е годы в наших деревнях появилось много брошенных изб и ребятыня, зна́мо дело, исследовала их, случалось, в сених или чуланах находили холщовые мешочки... с костями. Самые любопытные несли находку бабушкам и дедушкам, а те:

– Да ёто же лоды́жки! Хотíte, поиграём?

Лоды́жка – это овечья щиколотка: надкопытная суставная косточка, которую добывали при варке стúденя. Все четыре грани её разные: «горбо́к» – «я́мка» – «горбо́к» – «я́мка». На этом и построен принцип игры. Но прежде нужно накопить лоды́жек штук двадцать. Затем взять их в пригоршню и раскидать по столу. А далее шелчком выбивать: горбо́к – в горбо́к, я́мка – в я́мку. Попал – забираешь трофей и бьёшь следующую. Промахнулся либо задел третью – переход хода. Необходимое уточнение: лоды́жкой, которая легла плашмя, нельзя выбивать лоды́жку на ребре, даже если обе они показали ямку (или обе показали горбо́к), и наоборот.

Играли до тех пор, пока все парные лоды́жки не выбиты. Считали, у кого сколько: у меня пять, у Мити семь, а у Васи восемь. Ага, значит, Мите Вася пробьёт один «шолба́н» (шелчок по́ лбу), а мне – Вася три и Митя два. Ребята постарше играли не на шелба́ны, а на геньги, уплачивая друг другу разницу по копейке за лоды́жку.

Лоды́жки были очень популярны до войны, а потом как-то сразу угасли, но самые из бережливых эти косточки сохранили. Для внуков 1980-1990-х годов.

Пригоршня лодыжек. Снимок О.А. Перовой, 10.07.2020,
Этнографический музей кацкарей.

Четыре грани лодыжек: «горбóк» – «ямка» – «горбóк» – «ямка». Снимок 10.07.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

«Ямка» в «ямку» – вот так щелчком и выбивают лодыжки. Снимок
О.А. Перовой, 10.07.2020, Этнографический музей кацкарей.

«МНОГОЛИКАЯ» ЧАСТОКО́ЛИНА

Покупали (в 1960-1980-е годы, конечно же, покупали!) и деревенским детям игрушки. Но в них что-то не игралось. Заводные зайчики и даже грузовые машинки надолго не вдохновляли. То ли дело «частокóлина» – прут, выдернутый из забора-«тынá»!

Её можно было, например, «обратáть» – посадить на верёвочную уздечку, и тогда получалась отличнейшая верховая лошадь. Хорошо проскакать на ней да по лужам, подымая брызги выше себя, но надо и «дела делать» – пасти деревенское стадо. Из верёвки же плёлся и кнут, а роль коров и овец выполняли... те же частокóлины! И вот «гнали» стадо на пастбище, а потом на водопой, а потом на «обéдешную» дойку, и всё это сопровождалось выкриками, услышанными от взрослых: «Но-но!», «Заворачивай!», «Куды теб́я чёрт нёсёт!»...

Так играли чаще всего мальчишки, ну а для девчонок частокóлины – это... мужья! Колюхи, Павлухи, Мишухи – называли их обычно именами собственных отцов, ну а себя соответственно именами матерей: Веруха, Нинуха, Катюха. Кормили их в своих «домúшках», поили, спать укладывали, а утром провожали на работу, слово в слово воспроизводя реальные ситуации, происходившие в их семьях. Так, если Павел Васильевич накануне был пьяным, то и «Павлуха»-частокóлина невём с чего «бéльма залíл». Ну не «говённое ли рýло»?! Уж и «нагребыхáёшь» его, и «на́удишь», и спать уложишь... Утром, пока трезвый, можно и в гости сходить. Идёшь, и муж-частокóлина в руках. А лужа – сядешь на частокóлину и перепрыгнешь. Потом хвастаешься подругам: вот, мол, «Павлуха» перенёс на руках!

...Во что бы ни играли деревенские дети, все их игры были про жизнь. Не потому ли частокóлины, в отличие от покупных игрушек, не надоедали неделями.

Скачки на частокóлинах – кто быстрее? Снимок О.А. Перовой,
17.07.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

«СТАЛЬНЫЕ КОНИ» БУКСОВАЛКИ

Время – оно такое: то бредёт себе «не шатко не валко», то меняет жизнь в одночасье и до неузнаваемости. Ещё вчера всё было по-старому, а нынче, цитируя Есенина, «...живых коней победила стальная конница»!

Вот и с «потёшкам» (игрушками) то же!

Кацкари, чьё детство пришлось на 1920-1950-е годы, рассказывают, как отцы либо старшие братья делали им деревянных лошадок – хвост и грива «изо льня», а к ним и санки, и дроздки. У тех же, кто рос в 1960-1990-е годы, лошадок не было – как отрубил! Зато их воспоминания полны рассказами о «буксовалках», иначе «крутёлках».

Чтобы смастерить буксовалку-крутёлку, добывали зубастую шестерёнку от комбайна либо другого механизма, насаживали её на глинный ровный кол, а в него вбивали изогнутую в виде коловорота толстую стальную проволоку. В иных деревнях конструкция была несколько другой: короткий пенёк и длинная проволока. Эту проволоку надо было крутить: шестерня бежала, а в дорожной грязи, к величайшему наслаждению мальчишек, и буксовала. Многие из них обзаводились обширными гаражами из телег, саней и прочих прицепов.

Но вот как-то сразу прошло время и буксовалок. Если бы Есенин жил в наши дни, он бы, пожалуй, написал: «...стальных коней победила виртуальная конница»!

Вот она какая – крутилка-буксовалка! Снимок 13.08.2020 года,
Этнографический музей кацкарей.

Некоторые из детских игр словно застывшие во времени древние обряды. Скажем, «яйшенка»... Яйцо и само по себе предмет простой – начало жизни, символ мироздания. Именно из него в мифах разных народов произошла Вселенная. А помните, как убивались по разбитому яйцу дед и бабка в сказке «Курочка-Ряба»!?

У кацкарей яйцо участвует и в свадебном, и в пасхальном обрядах. В Вознесение шли они в поле, пекли на костре яичницу, съедали, а потом подкидывали вверх ложки, приговаривая: «Матушка-рожка, выроста́й выше ложки!» Или ещё забавный момент: девчонки, которые начинали «загуливать», просили взрослых парней, чтобы те поучили их танцам. Парни обычно отвечали: «Вот, сдѣлае́те яйшенку да на засло́ночке, тогда стонцу́ём!»

После всех этих сведений по-иному воспринимается детская игра «яйшенка» – в 1970-е годы в неё ещё играли. На земле «складешко́м» (складным ножиком) чертили «скóвороду» – квадрат сантиметров 30 на 30. Затем складешко́м же расчерчивали внутри «скóвороды» решётку – ячейка со спичечный коробок.

Выбирали «во́ду» – водрящего. Он отворачивался, а остальные участники выбирали по «яйцу́»-ячейке: подрезав её, приподнимали и ставили на место.

Во́да, ковыряя складешко́м искал эти «яйца»: чьё находил, с тем вступал в состязание – везде разное. В Хороброве, например, найдя «яйцо́», во́да, бежал до «тычка́» – воткнутой в землю палки. Тот, чьё «яйцо» нашли, бежал туда же; кто прибежал вторым – тот и водил. А в Дьяконовке во́да, найдя «яйцо», должен был осалить им убегающего владельца.

«Скóворога» для «яишeнки»
расчерчивается так.

Затем каждый из игроков
выбирает для себя «яйцо»-
ячейку. Чтобы избежать
споров, в ячейку лучше
что-то положить.

Снимки 31.07.2020 года,
Этнографический музей
кацкарей.

СОЛНЕЧНЫЙ КОНСТРУКТОР «КРЁСТЫ́»

Галина Львовна Дайн назвала эту игрушку «конструктор из лучины», а в памяти кацкарей-старожилов это «крёсты́». Впрочем, почему старожилов-то? «Крёсты́» в кацких деревнях собирали ещё и в 1970-х годах! Ну что, тряхнём стариной!?

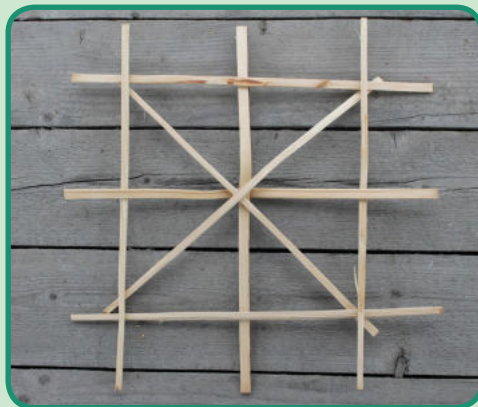
Прежде нужно заготовить лучин, или, если «бахóрить по-кацкие», «ча́сточек». В старое время их запас был всегда под рукой: ча́сточки нужны и для растопки печи, и для светца – осветительного прибора. Где что, а кацкари для этого распаривали в русской печке над чугуном ровный берёзовый «турговáшек» сантиметров 70 длиной. Затем надкалывали его топором и щепали тяжёлым кованым ножом-«косарём». Часто-часто щепали – оттого и «ча́сточья».

Так вот: долгие зимние вечера дети с удовольствием коротали составлением из лучин «крёстов́». Способов было два, но оба они начинались с того, что первую «ча́сточку» клали вертикально. А далее можно зажать её двумя лучинками крест-накрест и переплести ещё двумя вертикальными и тремя горизонтальными лучинами. Но можно переложить эту «ча́сточку»-основание тремя горизонтальными лучинами, затем закрепить их слева и справа вертикальными, а двумя диагональными завершить. В любом случае выходит квадрат, состоящий из четырёх меньших квадратов или восьми треугольников. Получившуюся конструкцию, покуда хватает фантазии, можно усложнять новыми и новыми лучинами.

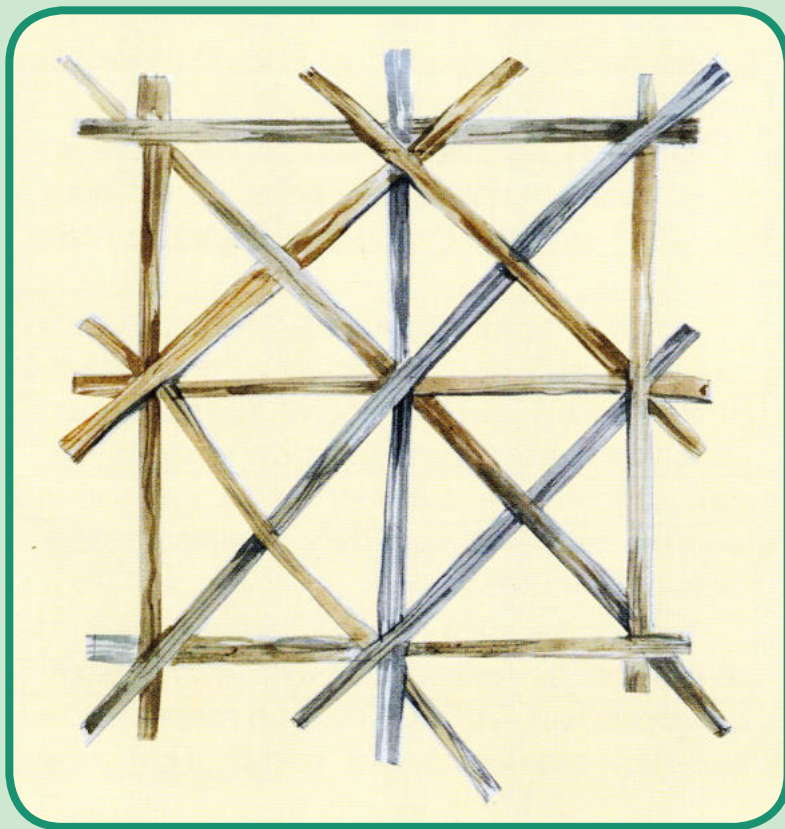
«Интересно заметить, что раньше крестик из лучинок имел ещё и магическое значение, – пишет Галина Львовна. – Изображение пересечённого ромба в народном искусстве было солярным знаком, символом солнца... Вероятно, по этой причине детские забавы с лучиной обычно поощрялись взрослыми».

Хвастаемся «крёстам»! Снимок 14.08.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

Один из способов собирания «крёста́» из лучин. Снимок 14.08.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

Крест из книги Г.Л. Дайн «Детский народный календарь», 2010 год.

Традиционный шерстяной мяч-«шйтку» реконструировали всем миром. В апреле месяце, когда начал линять домашний скот, Наталья Евгеньевна Чеснокова взяла «дербунóк» (скребок то есть) и начесала с коровы Рыни шерсти. Рыня рыжая – такой быть и шйтке.

Воды нагрел Владимир Николаевич Темняткин.

– Чем горячее, тем лучше, – пояснил он. Всё его детство прошло на ферме, где работали доярками мать и две старшие сестры. Уж сколько шйток переделано, и, кстати, не столь давно – в начале 1970-х годов!.. Владимир Николаевич набрал в обе руки шерсти и опустил в ведро.

– Её надо сразу взять сразу столько, сколько нужно, – пояснил он, – добавлять нельзя.

И пошла работа – выкатывание мокрого шерстяного пучка в шар. Покатав в ладошках, отжимают для плотности, опять обмакивают и опять выкатывают. И далее: отжать – обмакнуть – выкатать, отжать – обмакнуть – выкатать. Чем дольше это делать, тем плотнее шйтка получится.

– Помню, мы, маленькие, полдня по селу ходим и шйтку выкатываем. Она у нас, что деревянная, сделается!

Вообще-то таким мячом уже можно играть, но правильнее его обшить – потому и «шйтка». И тут на помощь пришла Ольга Алексеевна Перова. Как научили старики, она раздобыла старый чулок и зашила мяч в него, стянув крест-накрест толстою ниткою.

Вот так в Этнографическом музее кацкарей и появился новый экспонат...

Кацкая шитка,
реконструированная
Галиной Львовной
Дайн в 1995 году.
Иллюстрация из
книги Г.Л. Дайн
«Лоскутные мячики
из Хотькова».

*Мяч-шитка. Диаметр 6 см. 1995 г.
д. Мартыново, Мышкинский р-н, Ярославская обл.
Г. Дайн, реконструкция.*

Чтобы сгношить шёлтку, прежде требуется начесать коровьей шерсти «дербунком». Снимки 02.05.2020 года, д. Мартыново.

Ну а выкатывают шитку примерно так.
Снимки 08.06.2020 года, д. Мартыново.

Обшивали шітку матеріалом, якого не жалко – наприклад, старим чулком. Снімки 18.08.2020 года, д. Мартыново.

Шіткі из собрания Этнографического музея кацкарей,
Снимок 22.08.2020 года.

Изучая русскую народную игрушку, Галина Львовна Дайн изъездила пол-России, но и та 1994 года экспедиция по Кацкому стану не забывается. Кацкари много чем удивили известную исследовательницу, в том числе и хорошо сохранившейся диалектной лексикой. Беседуя со старожилами, Галина Львовна наслушалась и собственно кацких слов, и давным-давно позабытых общерусских.

Скажем, мячики из коровьей шерсти. Известны они повсеместно, но особенное название для них Галина Львовна услышала только от кацкарей – «шйтка». Следовательно, это собственно кацкое слово.

С «латухою» иначе. О латухе Галина Львовна сначала прочла, причём у одного только автора – Егора Арсеньевича Покровского в книге «Детские игры, преимущественно русские», изданной аж в 1887 году. Какого же было её изумление, когда в 1994 году она это слово услышала! Дмитрий Сергеевич Смирнов, пастух из деревни Балакирева, доктора Покровского, разумеется, не читал, но, вспоминая о своей длинной жизни, между прочим рассказал:

– И латухи пускали – змеи. Возьмём лист бумаги тетрадной или газетину, лучинки натрём картошкой варёной и приклеим крест-накрест. Питки по углам привяжем, длинный хвост из мочала – и улетит под облака латушка!

В многотомном «Словаре русских народных говоров» слово «латуха» в значении «бумажный змей» тоже есть, но со ссылками на 1846, 1852 и 1928 годы употребления. Однако ж памятливые кацкари употребляют это устаревшее для русского языка слово до сих пор...

Лату́ха у кацкарей и по сей день
бытует. Такую, например, для
своих внуков делает Владимир
Николаевич Темняткин из деревни
Мартынова.

Снимки 03.09.2020 года,
Этнографический музей кацкарей.

ИГРА, ПОГУБИВШАЯ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ

Опасны ли зубарí? Ведь именно из-за этой игры, по одной из версий, 15 мая 1591 года погиб царевич угличский Димитрий. В том XVI веке её называли «в тычку», сейчас более распространены названия «в свайку» и «в ножички», но кацким мальчишкам любее всё-таки «зубарí», и нож они выбирали ни какой-нибудь, а «скалагешóк» – то есть складной.

Начинались зубарí с того, что играющие по очереди метали нож в начертанный на земле круг; попал – очко. Затем сгибали складешóк буквой «Г», опирали лезвием на доску и подкидывали так, чтобы он перевернулся и воткнулся. Сколько пальцев между ножным черенком и доской – столько и очков. Затем метали нож в землю с разных позиций: с кулака, с четырёх, с трёх, с двух пальцев, с пальца, с локтя, с плеча, с подбородка, с губы, с носа, с глаза, со лба, с макушки головы – перейти к следующему уровню можно было только в том случае, если нож воткнулся. Наконец, «расписывались» – метали три раза подряд...

Всё это интересно, но почему «зубарí»? А «зубáрь» – это небольшой, сантиметров 5-7, колышек. Его забивали ножным черенком вровень с землёй и разбегались. Оставался лишь тот, кто набрал всех меньше очков. Его задача – выдернуть зубáрь зубами, бежать с ним в зубах и выбросить незаметно. Затем найти и «опятнáть» (осалить) кого-нибудь из убежавших. Осаленный искал выброшенный зубáрь: находил – испытание для проигравшего повторялось, не находил – игра заканчивалась и при желании начиналась по новой.

Так опасны ли зубарí? Про гибель царевича Димитрия пишут, что во время игры «в тычку» у него случился приступ эпилепсии и он случайно поранил себе горло. Могло ли такое случиться на самом деле? Не знаем, не знаем, но из игравших в зубарí кацкарей, в том числе и эпилептиков, никто не пострадал.

Между ножным черенком и доской три пальца – значит, воткнувшийся таким образом нож принёс игроку три очка. Снимок 01.09.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

«Курóк – деревяшка сантиметров 10-15, заточённая с обоих концов. Любым концом втыкается в землю, но неглубоко. Палкой (такой, как в лапте) стучишь – летит далёко! У кого дальше? А у кого всех ближе упадёт или вообще не улетит, тому «наказ» какой-нибудь».

Это записанное в середине 1990-х воспоминание девяностолетней бабушки Кати Волковой из села Знаменского – единственное, что осталось от популярной когда-то игры «в куркú». Как бы в неё поиграть и сейчас!?

И вот Этнографический музей кацкарей уже делает и палку-биту, и «куркú», и зовёт деревенских ребят. Детали додумаем вместе!

Сначала пробили каждый один раз: у кого-то курóк улетел далеко, а кто-то с непривычки промазал. Интересно, но задора мало.

Тогда решили дать каждому игроку сразу по три попытки, считая холостые удары. То есть в случае попадания бить с того места, где курóк упал, предварительно воткнув его в землю. Игра пошла азартнее, но как бы ещё разнообразить её?

Разбились на две команды и встали на противоположные концы игрового поля – в свои «города». Задача такая: ударяя по куркú, перейти в чужой «город» – и тут, как оказалось, вариантов уже не счесть! Можно на время (чья команда быстрее), а можно на ходы (у какой команды их будет меньше). Можно играть одним куркúм на команду, а можно, чтобы у каждого игрока он был свой. Можно «на лидера» (достаточно, чтобы до чужого «города» добрался только один из игроков), а можно «на команду» (пока в чужой город не перейдут все)...

В общем, как именно играла в куркú бабушка Катя и её сверстники в 1920-е годы, осталось неизвестным, но и в 2020-м дети от этой игры удовольствие получили! А правила... Правила, должно быть, и в то время менялись от деревни к деревне и от поколения к поколению.

Игра в куркú и в XXI-м веке увлекает. Снимки О.А. Перовой,
24.07.2020 года, Этнографический музей кацкарей.

ЛАПТА БЕГОВАЯ, ОНА ЖЕ ПОЛЕВАЯ

«Эта народная игра, к сожалению, забытая и находящаяся в пренебрежении», – писал о лапте писатель Куприн в... 1916 году! В Кацком стане, тем не менее, она дожила до самых 2000-х годов – во многом благодаря её страстному почитателю учителю физкультуры Мартыновской школы Николаю Ивановичу Знамову. В Ордине живёт другой любитель этой игры, и тоже учитель – Павел Николаевич Голосов. Ему и слово:

«Для лапты нужны были две команды человек по пять-шесть. Подбирались они так: два наиболее умелых игрока – «мáтки» – набирали из разделившейся по парам детворы остальных игроков. Пара вначале отходила в сторону и уговаривалась, например:

– Я ветка, а ты палка.

Потом подходили к «матке» и спрашивали:

– Кого выбираешь: ветку или палку?

Одна из разделившихся команд по жребию оставалась в «городе» забивать мяч, другая уходила в «поле» ловить его. Пробивший терял «руку», то есть право пробить снова и, чтобы его получить, должен был пробежать «поле» и вернуться в «город». А игроки в «поле» ловили летящий мяч – «свечку» – или подбирали его с земли и пытались осалить бегущего игрока из «города». Если это удавалось, команды менялись местами, и игра могла продолжаться до темноты...»

От деревни к деревне в лапте могли быть свои установления. Так, в Мартынове последним бил всегда «матка» и у него было три попытки. Если все игроки команды пробили, но вернуться в «город» никто не смог, команды менялись местами. Игрокам в «поле» разрешалось перекидывать мяч друг другу, чтобы салил тот, кто к бегущему противнику ближе.

Интересно происходила жеребьёвка. Одному из «маток» кидалась «лапта» (а это и есть палка-бита), тот её подхватывал; второй «матка» брался за неё выше, первый – ещё выше, второй – ещё... В «городе» оставалась та команда, чей «матка» клал ладонь сверху.

Любили лапту и женатые мужики, но для них это была сезонная игра – в основном они в неё играли на Пасхальной неделе. Однако ж вернёмся к Куприну: «(Лапта) одна из самых интересных и полезных игр... В лапте нужны: находчивость, глубокое дыхание, верность своей „партии“, внимательность, изворотливость, быстрый бег, меткий глаз, твёрдость удара руки и вечная уверенность в том, что тебя не победят... Трусам и лентяям в этой игре не место».

Любопытно, что в царской армии со времён Петра I и в первые годы Красной Армии лапта использовалась как средство физической подготовки солдат. И вообще, это очень древняя игра: биты и мячики для неё археологи находят при раскопках в Великом Новгороде. Жаль, что сейчас она забывается. И пусть создана Федерация русской лапты и даже проводятся общероссийские первенства, но многие ли о них знают? Вот и у нас в Кацком стане в лапту не играют уже двадцать лет...

Кстати, кацкарям известны три разновидности этой игры. Ту, что описана выше и которую официально именуют «русской», сами кацкари называют либо «беговая лапта», либо «полевая лапта». Но есть ещё и «круговая лапта», и «лапта на лунках», в справочниках не описанные.

Игра в лапту. Рисунок из книги М. Волкова «Лапта. Правила и разновидности игры», 1915 год.

Судя по мячу, мальчишки идут играть не в лапту, а в футбол.
Снимок около 1958 года, д. Владышино.

ВРЕМЯ КРУГОВОЙ ЛАПТЫ

Ну вот и раснёжилось – самое время для «круговой лапты». Впрочем, в некоторых деревнях её называют проще – «круги́». В отличие от лапты беговой, круговая – игра некомандная: каждый играет за себя. У каждого свой «город»: круг диаметром метр с небольшим, очерченный палкой-«лапто́ю» вокруг себя.

Всё просто: «во́да» (водящий) кидает в игроков мячик – кого «опя́тнáёт» (осалит), тому и водить. Те, кого «пя́тнáют» (саят), стоят в своих «городах»: кто просто уворачивается от мяча, а кто отбивает его лаптою. Лучше, конечно, отбить да так, чтобы улетел подальше – ведь «во́да» метает мяч с того места, где он упадёт. Но бывает, мяч падает совсем рядом от «города», и что тогда «горожанину» делать? Можно попытаться выбить мяч лаптою, если, конечно, до него дотянешься. А можно... ускакать на одной ноге! На одной ноге вне «города» находиться разрешается, но знай: чуть привстал на вторую – значит, водить!

Круговая лапта увлекательна не меньше беговой, и детвора заигрывалась ей до самой «тёмки». И так же, как беговая, она была сезонной – играли в неё «до гряд», то есть до начала весенних огородных работ. А дальше деревенских детей поджигали совсем другие заботы...

Ура! Мяч отбит!!!

Покинуть «город» можно
только на одной ноге.
Снимки 07.08.2020 года,
Этнографический музей
кацкарей.

ЛАПТА – «ШАРКЇ», ЛАПТА – «СА́КИ»

«Са́ки», «шаркѝ» – слова-то какие! А между тем для старшего поколения – обычные слова. Но прежде о третьем виде лапты.

В лапту «на лúnках» играли нижние кацкари. Она схожа с лаптой круговой, только вместо кругов игроки копали лунки – такие, чтобы в них можно было стоять. Стоящих на лунках нужно осалить мячом; при удачном попадании водящий и осаленный менялись ролями. Менялись они и когда у водящего получалось просто закинуть мяч в лунку. Так же, как и в круговой лапте, игроки на лунках отбивали мяч палкой-«лаптой». Они имели право покинуть лунку, подбежать к мячу и забить его дальше. Но и водящий имел право занять освободившуюся лунку – в таком случае водить начинал её неосмотрительный хозяин.

Зимой же лапта «на лунках» превращалась в «шаркѝ», зимние лунки делали прямо посреди укатанной деревенской улицы. Играли «шаркѝм» – деревяшкой, обструганной под мяч (тот, что хранится в Этнографическом музее кацкарей, имеет размеры 6,5 на 3,8 на 3,8 см). Шарѝк не кидали, а били самодельными клюшками – в остальном правила такие же, как и в лапте «на лúnках».

В Средней Кадке не знали ни лапты «на лунках», ни шаркѝв; весной средние кацкари играли в круговую лапту, а зимой – в «са́ки». При игре в са́ки лунка делалась только одна, а шарѝк заменялся... замороженной лошадиной говѝшкой. Отбивая её клюшками друг у друга, игроки соревновались, кто больше раз забьѝт в лунку.

«Са́ки», «шаркѝ» – Господи, сколько же раньше игр было! И как скоро мы их все растеряли...

Шарок с шйткой (мячом из шерсти) из собрания Этнографического музея кацкарей. Снимок 26.08.2020 года.

Что такое карусель? Словари говорят: «Вращающееся устройство для катания по кругу». Кацкари добавляют: карусель – потеха непременно зимняя!

Ещё с осени, едва станет держать лёд, вмораживали посреди пруда невысокий столб. Он должен стоять вертикально – «настоя́ка». Затем крепили к нему горизонтальную «жерздь» – так, чтобы она вращалась, как пропеллер. К одной половине её привязывали санки ли, «рого́зу» (рогожу) или выдолбленную из бревна лодку и усаживались. Но прежде выбирали «во́ду» (водящего), который брался за свободную половину «же́рзди» и всё это сооружение раскручивал. То-то было хохоту! А старики подзадоривали, учили, как это было в их детство:

– Мы лодку-то нама́жем коро́вьем говно́м, обольём у колодца – уж вот как закрутит!

Да и вся-то зима для детей была сплошная карусель. Пока с гор накатаешься да в снегу наваляешься, да ходов-выходов в «сугорба́нах» (сугробах) наделаешь, да снежную крепость расстреляешь – зимний день обернулся вечером... Неужели это всё в прошлом?

В начале 2000-х годов карусели на льду Оксёнова пруда в Мартынове ещё делал, как помнится, старшеклассник Гена Мехов – катал друзей и младших сестёр. Но вырос Гена, и покучнел Оксёнов пруд! Ни крепостей, ни нор в сугробах. Не знаешь, на кого и пожаловаться: то ли люди пошли незаводные, то ли зимы стали на зимы не похожи – без снега и без морозов. Только в словарях и справляться, что такое «карусели»...

На лыжах – хоть в школу, хоть на прогулку!
Снимок 1960-х годов, д. Парфёново.

Куда уходит детство, мы все знаем из песни в исполнении Аллы Пугачёвой, но вот когда? Ответ на этот вопрос даёт другая песня – народная, которую певали и в Кацком стане:

*...Лет двенадцати я
По людя́м ходила:
Где качала я дётéй,
Где коров доила;
Подои́вши я коров,
Молоко цагúла;
Процагúвши молоко,
Я дётéй поила;
Напои́вши я дётéй,
Спать их уложила...*

Да, так оно и было: к двенадцати годам деревенские дети приобретали все необходимые навыки для ведения домашнего хозяйства, а некоторые уже начинали работать и по найму. Причём речь идёт не о сегод старине, а о времени совсем недавнем. Те, чьё детство пришлось на 1970-1980-е годы, подтвердят, что в двенадцать лет они запросто могли заменить отлучившихся родителей: и печь истопить, и скотину уходить. Конка гряд, сушка сена, колка дров – всё это они умели. Девчонки двенадцать лет доили вместе с матерями-доярками на фермах коров, а мальчишки огребали на конных граблях колхозное сено – и делали это без принуждения и с большою охотою!

Впрочем, детство всё равно оставалось детством – вот и продолжение у песни такое:

*...Уложивши я дётéй,
В корово́д ходила...*

Девочка-погнасок. Снимок 23.07.2008 года, д. Мартыново.

К заметке «Брюхо кóчечкёй – быть парнiшечкю!»

Ну, это старая и верная примета. Если живот «кóчечкёй» (то есть круглый, как мячик), народится мальчик. Если округлый и обширный – девочка. Девка всегда, как барыня, разваливается...

Дмитрий Евгеньевич Турбин

К заметке «Со здорóвьём!»

Когда я родила старшего Александра, пришла бабушка Зоя Лепёшкина с серёдкой чёрного хлеба, посыпанной солью. Я удивилась: «А хлеб-то зачем? У нас свой есть!» А она: «Ето здорóвьё! Бúдешь в обед суп хлébать, и стелюпáй хлéb-от с супом!»

Татьяна Павловна Каретникова

К заметке «На пожар не смотри! Покойника не провожай!»

Я беременная была на похоронах бабушки. Родить – родила, но потом, через полгода, четыре месяца в ярославских больницах спасали новорождённую дочь. Вот и не верь потом в приметы!

Тамара Павловна Пушкина

К заметке «Во имя отца и Сына и Святого Духа...»

Я тоже была крещена двумя бабушками, родной и соседской, в полуторагодовалом возрасте. Обряд крещения провели дома с

Благословения батюшки Сергиевской церкви, молчаливого согласия родителей, втайне от деда – ярого коммуниста. Было это зимой 1969 года, запись в церковной книге имеется....

Галина Николаевна Торопова

К заметке «Как мама скажет!»

Традиция не называть в честь живого «имяноса» была довольно сильна долгое время. Мои родители по рождению назвали меня Марией. Получали от всех родственников и друзей поздравительные телеграммы «с дочкой Машенькой»... А бабушка моя, Мария, втихаря сходила в загс, выправила документ для внученьки и, вернувшись домой, «торжественно» припечатала его на стол со всей силы: «Вот вам – Машка!» Негоумевающие от подобного «загона», родители раскрыли документ, а в строке «имя» стояло... Ну, вы знаете, как меня зовут...

Татьяна Геннадьевна Манюкина

К заметке «"Прибайки" – детские стишки»

Колыбельные моей бабушки были больше похожи на страшилки...

Баю-баюшки-баю,

Не ложися на краю,

Прилетит коси-коса,

Запутает волоса....

Коси-коса – это вполне реальное существо, такой огромный

комар на длинных ногах. Были такие в доме, боялась жутко... А ещё ненавидела расчёсывать свои в то время длиннющие волосы, поэтому «коси-косы» боялась....Что пела детям, сразу и не припомнишь. Ну вот:

*У котешки, у кота
 Была мачеха лиха.
 Она била его,
 Колотила его.
 Спать укладывала —
 Приговаривала:
 «Котик, брысь! Котик, брысь!
 На полати заберись —
 Там мышка живёт,
 Тебе хвостик отгрызёт...»*

А моя четырёхлетняя внучка сама мне поёт песенки на ночь и сказки рассказывает – я засыпаю раньше её!

Галина Николаевна Торопова

К заметке «Когда “робё’нко благоё”»

Моя двоюродная бабушка Екатерина Ивановна Воробьёва из деревни Трухина Нижней Кагки, когда дочка несколько часов плакала (не помогла и святая вода), посоветовала передать ребенка под столом. Малышка сразу заснула!

Марина Геннадьевна Коломанова

К заметке «Ни фельдшера, ни “бабки”»...

Одна из кацких знахарок – двоюродная сестра моего дёда Анна Александровна Шварёва, в замужестве Паутова. Родилась она в 1886 году в деревне Борисовке, в которой и прожила бóльшую часть своей жизни. В начале 1950-х годов, когда Борисовка обезлюдела, Анна Александровна переехала в Кокошилово, а в 1967 году её, уже совсем старую и беспомощную, взяла к себе в Новый Некоуз племянница Софья. Так вот: Анна Александровна слыла целительницей, готовила мази и другие народные средства, лечила домашних животных.. Её внучка Нина рассказывала, как бабушка Аня вылечила её заговором от ячменя в глазу: отщипывала лучинки от горелого полена из печки, что-то нашёптывала, примеряла лучинки к больному глазу, какие-то лучинки разламывала... И глаз прошёл.

Николай Михайлович Шварёв

К заметке «Вся-то гудора...»

Про игры нашего детства можно вспоминать часами. 1970-е славные годы! Строили шалаши и домики из всего, что под руку попадалось, качались на деревьях, как обезьяны. Набирали с собой еды: хлеб, лук, яйца, огурцы, некли картошку, рвали щавель и тятюшки. Так вкусно было! А по вечерам собирались в центре деревни у пруда, играли в подвижные игры, причем все: лет с пяти и до шестнадцати. Играли в Али-бабу, вышибало и ещё много в чего. Так убегаешься, что ноги гудят, а надо ещё проследить, куда старшие пошли, да кто с кем...

Отдельная история, когда получали доступ к бабушкиному сундуку с рукоделием... Сколько там всего интересного! Наряды

куклам шили, собирали открытки, фантики, стёклышки – всем этим обменивались... Поколение наших детей уже занималось куклами Барби с «тетьками» и тамагочи. А внуки целиком живут в мире гаджетов. Слово-то какое – наверное, производное от «гадость»!

Галина Николаевна Торопова

К заметке «Жумáрки, коронíчки, зайцы, чёрёпки...»

Коронички, коронушки – у нас в Медлеве в обиходе были такие названия этой игры.

Алёна Александровна Бовина

К заметке «Ланта беговая, она же полевая»

Мы в Ленинградской области играли в ланту годами в 1964-1966-х. Причём играли на асфальтированной площадке перед пожарной частью, так как других подходящих мест не было. Взрослые сначала ругались, но потом разрешили с условием, что если услышим сирену, сразу разбегаемся за пределы площадки. Пожарные смотрели-смотрели и, когда не было вызовов, подключались к нам. Представляете состояние ребёнка, когда за ним бежит большой дяденька с мячом! Иногда приходилось сдаваться. А вообще было здорово!

Наталья Борисовна Фишина

Мы с Еленой Борисовной Турбеневой, преподавателем Ординской школы, тоже любили играть в лапту на уроках физкультуры! Это было в 1990-е годы.

Юлия Алексеевна Матвийчук

К заметке «Время круговой лапты»

Я всё детство играла в круговую лапту, а чуть постарше стала играть в беговую. У нас в Плишкине-Покровском очень любили эту игру.

Тамара Павловна Пушкина

1. Бутусова А.Н. Деревня Мартыново в метрических книгах 1808-1861 годов // Кацкая летопись №1 (185), зима 2019 года.
2. Румянцева А.В. Брюхо кóчечкёй – быть парнiшечку! // Кацкая летопись № 3 (171), лето 2014 года.
3. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. Санкт-Петербург, 1896 год.
4. Иванова В.Н. Актёр Даниил Страхов – покóну кацкого! // Кацкая летопись № 4 (143), осень 2007 года.
5. Страхов А.Б. Спасибо за память об отце // Кацкая летопись № 4 (160), осень 2011 года.
6. Дорофеева А.Б. Один век из жизни семьи // Кацкая летопись № 5-6 (43-44), март 1996 года.
7. Замяткин Д., Темняткин С.Н. Мотивация личных имён у кацкарей в 80-90 годах XX века // Кацкая летопись № 1 (126), зима 2004 года.
8. Угличские писцовые книги XVII века, изданные Липинским М.А. Ярославль, 1867-1888 годы.
9. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. “Се яз раб Божий...” Многоимённость как фактор и факт древнерусской культуры. Санкт-Петербург: Евразия, 2019 год.
10. Баранов Д.А. и др. Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2006 год.
11. Чем бы гитё потешить? // Кацкая летопись № 11-12 (18-19), декабрь 1994 года.
12. Дайн Г.Л. Про бабу Сашу и куклу Катю // Кацкая летопись № 10 (29), июль 1995 года.
13. Дайн Г.Л. Куклы бабушки Нюры // Кацкая летопись № 11-12 (30-31), август 1995 года.

14. Дайн Г.Л. У дьяконовских Бабуль // Кацкая летопись № 13-14 (32-33), сентябрь 1995 года.

15. Дайн Г.Л. Мышкины потешки // Ярославская старина, выпуск 6, Ярославль: Государственный архив Ярославской области, 2006 год.

16. Дайн Г.Л. Лоскутные мячики из Хотькова. Хотьково; Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2008 год (серия «Живые традиции Радонежья»).

17. Дайн Г.Л. Детский народный календарь. Хотьково; Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2010 год (серия «Игрушка в культуре России», книга 1).

18. Дайн Г.Л. Азбука “Русская игрушка”: от ауки до яблока. Сергиев Посад; Хотьково: Цветографика, 2019 год (серия «Игрушка в культуре России», книга 9).

19. Темняткин С.Н. Я покóну кацкого! Учебник по кацкой этнографии // Кацкая летопись № 4 (151), 2009 год (специальный выпуск).

20. Голосов П.Н. Детские годы кацкарей послевоенного поколения // Кацкая летопись № 2 (182), весна 2017 года.

21. Куприн А.И. Пёстрая книга. Несобранное и забытое. Пенза: ОАО «Областной издательский центр», 2015 год.

22. Волков М. Лапта. Правила и разновидности игры. Петроград – Москва: издание товарищества М.О. Вольф, 1915 год (приложение к журналу «Задушевное слово»).

А также документы из собрания филиала Государственного архива Ярославской области в городе Угличе, частная переписка с Г.Л. Дайн и комментарии подписчиков сообщества «Кацкая летопись» в социальной сети «ВКонтакте».

17 детей. У кого больше?.....	4-5 стр.
Семьи большие, семьи маленькие.....	6-7 стр.
«Брюхо кóчечкёй – быть парнiшечку!».....	8-9 стр.
На пожар не смотри! Покойника не провожай!.....	10-11 стр.
Так и рожали.....	12-13 стр.
Что значить «оммыть копыта»?.....	14-15 стр.
Самый «зобóтной» отец.....	16-19 стр.
«Со здорóвьём!».....	20-21 стр.
«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».....	22-23 стр.
Отктябрины, звездины, наречение имени.....	24-31 стр.
«Катеринами-то цариц называли!».....	32-33 стр.
Как мама скажет.....	34-35 стр.
Парень с двумя именами.....	36-39 стр.
Отчество + мáтчество = величáниё.....	40-41 стр.
Зы́бка и кáчкя.....	42-45 стр.
Сывáльник-воспитатель.....	46-47 стр.
Соска из марли.....	48-51 стр.
Вот такая «громотúха»!.....	52-53 стр.
«Прибáйки» – детские стишки.....	54-55 стр.
«Ёжик-ёжик...», спасший мир.....	56-57 стр.
Ох уж эти «робя́та попо́вы»!.....	58-59 стр.
«Кочúга» – наказание в удовольствии!.....	60-61 стр.
Что за блюдо «Бёрё́зовая лапша»?.....	62-63 стр.
Клёном клясть – дело худо!.....	64-65 стр.
Про кобелёвскую Дуняху.....	66-67 стр.
С месяц или го́ году?.....	68-69 стр.
Когда «робё́нко благоё».....	70-71 стр.
Ни фельдшера, ни «бабки».....	72-73 стр.
«Потéшки» – это серьёзно!.....	74-75 стр.

Потешная кровать «по-взрослому»	76-78 стр.
Знакомьтесь: куклы кацкарей!	79-83 стр.
Рождение чуда	84-87 стр.
Вся-то дýдора	88-91 стр.
Ещё о палочке-комулялочке	92-93 стр.
Жумáрки, коронíчки, зайцы, чёрéнки	94-95 стр.
Крепколобые лоды́жки	96-99 стр.
«Многоликая» частокóлина	100-101 стр.
«Стальные кони» буксовáлки	102-103 стр.
Эта непростая «яишенка»	104-105 стр.
Солнечный конструктор «крёсты́»	106-109 стр.
«Шíтка» всем миром	110-115 стр.
Слово, прозвучавшее через век	116-117 стр.
Игра, погубившая царевича Димитрия	118-119 стр.
«Додуманные» куркú	120-121 стр.
Лапта беговая, она же полевая	122-125 стр.
Время круговой лапты	126-127 стр.
Лапта – «шаркú», лапта – «сáки»	128-129 стр.
Зимняя карусель	130-131 стр.
Куда уходит детство?	132-133 стр.
Комментарии читателей	134-139 стр.
Литература и источники	140-141 стр.

Краеведческое издание
Этнографический музей кацкарей

Темняткин Сергей Николаевич
Я покóну кацкого! Этнографические заметки

Книжка 2

Книга издана Ярославской областной общественной организацией краеведов «Кацкий стан» в рамках проекта «Кацкарь натоился!» при грантовой поддержке департамента культуры Ярославской области.

Подписано в печать 15.10.2020 г. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 8,25 уч. изд. л. 6,5
Тираж 210 экз.

Издательство «Аверс Плюс»,
Ярославль, ул. Победы, 34
тел./факс (4852) 97-69-22